

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Часть первая

I

ТЕНЬ РИШЕЛЬЕ

В одном из покоев кардинальского дворца, нам уже знакомого, за столом с позолоченными углами, заваленным бумагами и книгами, сидел мужчина, подперев голову обеими руками. Позади него, в огромном камине с отделанной золотом решеткой, горел яркий огонь, освещавший великолепную одежду сидевшего, а спереди на его лицо падал свет от зажженного на столе канделябра.

При виде этой красной сутаны, отделанной богатыми кружевами, этого бледного лба, задумчиво склонившегося, и этой уединенной комнаты, среди тишины соседних покоев, мерных шагов часовых на площадке лестницы, можно было подумать, что тень кардинала Ришелье еще не оставила своего прежнего жилища.

Увы, это была действительно лишь тень великого человека! Ослабленная Франция, пошатнувшийся авторитет короля, вновь окрепшее буйное дворянство, неприятель, переступивший границу,— все свидетельствовало, что Ришелье более нет.

Да, не Ришелье сидел в этой красной сутане. Это еще более подчеркивалось глубоким, мертвенным одиночеством сидевшего; о том же говорили опустевшие коридоры, в которых не видно было ни одного придворного, и двор, наполненный солдатами; то же чувствовалось в насмешках толпы, слышных с улицы, словно сговорившейся против министра; наконец, раздавалась беспорядочная ружейная пальба, что свидетельствовало о том, что у народа есть оружие и караулу — швейцарцам, мушкетерам и солдатам, оцеплявшим Пале-Рояль (так как сам кардинальский дворец переименовал свое название), надлежало узнать, что и у населения есть оружие.

Этой тенью Ришелье был Мазарини.

Он чувствовал себя бессильным и одиноким.

«Иностранец! — шептал он.— Итальянец! Вот о чем они кричат. С этими словами они повесили Кончини. Если б я дал им волю, они и меня бы убили, повесили, истребили. А что я им такого сделал? Только придавил их немного налогами. Дурачье! Они не понимают, что враг их совсем не итальянец, плохо говорящий по-французски, а скорее те, кто красиво говорят с ними с чистейшим парижским выговором».

«Да, да,— прошептал министр усмехаясь,— да, ваш ропот говорит мне, как эфемерна судьба временщика; но если вы это знаете, то знайте и то, что я не простой временщик. У графа Эссекса был великолепный перстень с бриллиантами, который дала ему его царственная любовница; у меня же простое кольцо с вензелем и числом, но это кольцо освящено в церкви Пале-Рояля; им не сломить меня, как ни кричи: „Долой Мазарини!” Они и не замечают, как я заставляю их кричать то: „Да здравствует герцог Бофор!”, то: „Да здравствует принц!”, или: „Да здравствует парламент!” И что же? Герцог Бофор в Венсене, принц не сегодня-завтра туда же отправится, а парламент... (Тут лицо кардинала исказилось от ненависти, и это совсем не соответствовало его мягкой наружности.) Парламент... посмотрим, что делать с парламентом; за нас Орлеан и Монтаржи. О, я торопиться не буду; но те, кто орал: „Долой Мазарини”, в конце концов воскликнет: „Долой” всем этим людям, каждому по очереди.

Ришелье, которого они ненавидели, пока он был жив, и о котором только и говорят теперь, был ниже меня, потому что его несколько раз прогоняли и он еще чаще боялся быть выгнанным. Меня же королева никогда не изгонит, и если я буду вынужден уступить народу, то и она уступит вместе со мной: если я должен буду бежать, она скроется вместе со мной, и вот тогда-то посмотрим, что-то сделают бунтовщики без королевы и без короля! Ах, если б только я был француз, если б я был дворянин!»

И он снова погрузился в мысли.

Действительно, положение было трудное, а истекший день усложнил его еще более. Мазарини, жадный до патологии, давил народ непосильными налогами, и этот народ, у которого только и оставалось, что душа в теле, и то потому, что ее нельзя было отобрать и продать с торгов, народ, которому громкими военными победами хотели заткнуть рот и который убедился, что лаврами не будешь сыт, как от мяса,— этот

народ давно уже роптал.

Но это было еще не все; пока ропщет один только народ, то двор, отделенный от него буржуазией и дворянством, не слышит его ропота; но Мазарини имел неосторожность притеснить судебное ведомство, он продал двенадцать патентов на должность парламентских спикеров, а так как места эти ценились особенно высоко, и появление двенадцати новых собратьев должно было понизить цену, то прежние чины объединились и поклялись на Евангелии ни под каким видом не допускать этого увеличения их числа и сопротивляться всем притеснениям двора; они обязались друг другу в случае, если бы один из них за неповиновение потерял свою должность, сложиться и возратить ему стоимость патента.

Седьмого января около восьмисот парижских купцов, возмущенные новым налогом на домовладельцев, собрались и, избрав из своей среды десять депутатов, отправили их к герцогу Орлеанскому, который, по старому обычаю, заигрывал с народом. Герцог принял их, и они объявили ему, что не будут платить нового налога, даже если им придется защищаться от королевских сборщиков с оружием в руках. Герцог Орлеанский выслушал их весьма благосклонно, обнадежил, обещал поговорить с королевой о понижении налога и отпустил, сказав, как полагается всем принцам: «Посмотрим».

С своей стороны, девятого числа докладчики явились к кардиналу, и один из них от лица остальных говорил с ним так решительно и смело, что поверг кардинала в изумление; он отпустил их, сказав, как и герцог Орлеанский: «Посмотрим».

Тогда, чтоб «посмотреть», был созван совет и послали за управляющим финансами д'Эмери.

Народ ненавидел Эмери; во-первых, понятно, потому, что он управлял финансами, а во-вторых, надо признаться, он этого в самом деле заслуживал.

Это был сын одного лионского банкира, по фамилии Партичелли, который после своего банкротства переменял фамилию и стал называться д'Эмери. Кардинал Ришелье, заметив в нем большие финансовые способности, представил его Людовику XIII под именем д'Эмери и, желая назначить его управляющим финансами, всячески расхвалил его.

— Чудесно! — ответил король. — Я очень рад, что вы предлагаете

д'Эмери на место, которое требует честного человека. Мне говорили, что вы покровительствуете мошеннику Партичелли, и я боялся, что вы станете уговаривать меня взять именно его.

— Государь,— ответил кардинал,— будьте покойны: Партичелли, о котором угодно было вспомнить вашему величеству, уже повешен.

— А, тем лучше! — вскричал король.— Значит, не напрасно называют меня Людовиком Справедливым.

И тут же подписал назначение д'Эмери.

Вот этот самый д'Эмери и был теперь управляющим финансами.

За ним послали от имени министра, и он прибежал бледный, испуганный, причитая, что сын его чуть не убит сегодня на Дворцовой площади; толпа окружила его и стала поносить за роскошь его жены, у которой квартира обита красным бархатом с золотом. Она была дочерью Николя Ле-Камю, секретаря с 1617 года, который пришел в Париж с двадцатью ливрами в кармане, а потом, оставив себе сорок тысяч ливров ренты, завещал своим детям девять миллионов.

Сына Эмери едва не задушили, поскольку один из бунтовщиков предложил бить его до тех пор, пока не выжмут награбленного золота.

Совет ничего не решил в этот день, потому что управляющий финансами был слишком взволнован происшествием с сыном.

Назавтра первый президент парламента, Матье Моле, смелость которого в подобных обстоятельствах, по словам кардинала де Реца, равнялась храбрости герцога Бофора и принца Конде, двух человек, считавшихся самыми отважными во всей Франции,— этот первый президент на другой день был тоже остановлен на улице; народ угрожал разделаться с ним за все причиненные бедствия; но президент ответил со своим обычным спокойствием, не волнуясь и не удивляясь, что если смутьяны не подчинятся воле короля, то он тотчас же велит поставить на площади виселицы и самых буйных вздернет немедленно. На это ему сказали, что ничего лучшего не надо, как поставить виселицы, а только вздернуть на них следует судей-лихоимцев, покупающих себе придворные милости ценой народной нищеты.

Но и это было еще не все. Одиннадцатого числа, когда королева направлялась к обеду в собор Парижской Богоматери, что она делала неизменно каждую субботу, к ней с криком устремилось больше двухсот женщин, требуя правосудия. На самом деле, у них не было никакого злого умысла; они хотели лишь стать на колени перед

королевой, чтобы пробудить в ней сострадание, но охрана не допустила их, и королева прошла надменно и гордо, не выслушав их жалоб.

После полудня снова был собран совет, и на нем решено было поддерживать авторитет короля; новое заседание парламента было назначено на следующий день, двенадцатого числа.

В тот день, с вечера которого мы начали наш рассказ, десятилетний король, только что выздоровевший от ветряной оспы, сначала отправился благодарить за свое исцеление Парижскую Богоматерь и под этим предлогом призвал всех своих гвардейцев, швейцарцев, мушкетеров и выстроил их вокруг Пале-Рояля, вдоль набережных и Нового моста, а прослушав обедню, пошел в парламента, где с торжественного, наскоро сооруженного помоста не только подтвердил все прежние свои эдикты, но огласил еще новых пять или шесть — все, по словам кардинала де Реца, один разорительнее другого для народа. Даже первый президент, который, как мы могли убедиться, держал сторону двора, и тот громко высказался против такого вторжения короля в парламента, стеснявшего свободу депутатов.

Но особенно дерзко восстали против новых налогов президент Бланмениль и советник Брюссель.

Огласив эдикты, король вернулся в Пале-Рояль. Народ толпился на его пути; поскольку все знали, что он возвращается из парламента, но не ведали, для чего он туда ходил,— для того ли, чтобы защитить народ, или для новых притеснений,— то на всем пути его не раздалось ни одного радостного крика, ни одного приветствия по случаю его выздоровления. Все лица, напротив, были мрачны и беспокойны; в поведении некоторых даже проглядывалась угроза.

Хотя король и вернулся во дворец, но войска остались на своих местах,— знать боялась, как бы не вспыхнул мятеж, когда народ узнает о результатах заседания парламента. И действительно, только что разнеслась весть, что король вместо того, чтобы облегчить налоги, еще более их увеличил, и сейчас же стали собираться толпы и слышались громкие жалобы и крики:

— Долой Мазарини! Да здравствует Брюссель! Ура Бланменилю!

Народ знал, что Брюссель и Бланмениль говорили в его пользу, и хотя их красноречие пропало даром, он тем не менее был им благодарен.

Поступил приказ разогнать толпу и заставить ее замолчать, но, как

всегда бывает в таких случаях, толпа только разрасталась, и крики усиливались.

Только что королевским гвардейцам и швейцарцам отдан был приказ не только сдерживать толпу, но и разослать патрули на улицы Сен-Дени и Сен-Мартен, где народу было больше всего и откуда доносились возбужденные крики. И тут в Пале-Рояль приехал купеческий старшина.

Его немедленно приняли, и он объявил, что если правительство не прекратит своих враждебных действий, то через два часа весь Париж вооружится.

Еще не утихли споры о том, какие следует принять меры, как вернулся гвардейский лейтенант Коменж; платье на нем было изорвано, лицо окровавлено. Увидав его, королева вскрикнула от изумления и спросила, что с ним случилось.

А случилось то, что предвидел купеческий старшина: народ раздражило появление солдат. Со всех колоколен ударили в набат. Коменж не растерялся и, захватив одного из главных, по-видимому, бунтарей, велел, для примера другим, повесить его на кресте площади Трауар; солдаты схватили его и потащили. Но около рынка на них напала толпа; посыпались камни и удары алебард. Мятежник воспользовался минутой, вырвался, прыгнул в Ломбардскую улицу и спрятался в одном доме, двери которого солдаты тотчас же выломали.

Однако все поиски оказались тщетными — виновного не могли найти. Коменж поставил караул около дома, а сам с остальными солдатами вернулся во дворец, чтобы доложить обо всем королеве. По всему пути их преследовали криками и угрозами; несколько человек из его отряда получили колотые ранения, а самому ему камнем рассекли бровь.

Рассказ Коменжа подтвердил слова старшины; приходилось иметь дело с серьезным восстанием, а к нему не были подготовлены; кардинал велел распустить в народе слух, что войска выставлены на набережных и на Новом мосту только по случаю церемонии и сейчас будут выведены. Действительно, к четырем часам дня они все были стянуты к Пале-Роялю; поставили караул у заставы Сержантов, другой — у Трехсот слепых, третий — у холма Святого Рока. Дворы и нижние этажи наполнили швейцарцами и мушкетерами и стали ждать.

Вот как обстояли дела, когда мы ввели читателя в комнату

кардинала Мазарини, бывшую прежде кабинетом Ришелье. Мы видели, в каком настроении слушал он доносившиеся до него народный ропот и ружейные выстрелы.

Тут он поднял голову, наморщил брови, как человек, на что-то решившийся, и, взглянув на огромные стенные часы, которые сейчас должны были пробить десять, он взял со стола золоченый свисток и свистнул два раза.

Бесшумно отворилась скрытая под обоями дверь; из нее неслышно вышел человек, одетый в черное, и стал за его креслом.

— Бернуин,— сказал кардинал, даже не оглянувшись, так как знал, что на два свистка явится камердинер,— что за мушкетеры дежурят во дворце?

— Черные мушкетеры, монсеньор.

— Какой роты?

— Де Тревиля.

— Есть кто-нибудь из офицеров этой роты в передней?

— Лейтенант д'Артаньян.

— На него можно положиться?

— Да, монсеньор.

— Подай мне мушкетерский мундир и помоги одеться.

Камердинер вышел так же беззвучно, как вошел, и через минуту вернулся с тем, что требовал кардинал.

Мазарини принялся снимать свое парадное платье, которое было на нем по случаю заседания в парламенте, и натягивать более привычный военный мундир, в котором он чувствовал себя очень ловко, благодаря своим прежним итальянским походам. Одевшись, он сказал:

— Позови д'Артаньяна.

Камердинер вышел, на этот раз в среднюю дверь, по-прежнему молчаливый, словно тень.

Оставшись один, кардинал самодовольно посмотрел в зеркало. Он был еще молод,— ему только что минуло сорок шесть лет,— хорошо сложен, роста чуть ниже среднего; цвет лица его был прекрасный и свежий, глаза горели, нос большой, но правильной формы; высокий лоб; русые, немного курчавые волосы; борода темнее волос на голове, всегда подвитая, что очень шло ему.

Затем он надел перевязь со шпагой, полюбовался своими руками, которые были у него очень красивые, и, отбросив грубые замшевые

форменные перчатки, за которые взялся было, надел обыкновенные шелковые.

В эту минуту дверь отворилась.

— Лейтенант д'Артаньян,— доложил камердинер.

Вошел офицер.

Это был мужчина лет тридцати девяти или сорока, небольшого роста, но стройный, худой, с живыми, умными глазами, с черной бородой и с проседью в волосах, как часто бывает у людей, жизнь которых была наполнена приключениями и испытаниями, особенно это заметно у брюнетов.

Д'Артаньян, войдя в комнату, сразу же узнал кабинет кардинала Ришелье, где ему однажды пришлось побывать, и видя, что никого, кроме мушкетера его же полка, больше нет, он внимательно посмотрел на этого мушкетера и тотчас же узнал кардинала.

Он остановился в почтительной позе, но полный достоинства, как подобает человеку из общества, которому часто приходится бывать в высшем обществе.

Кардинал устремил на него внимательный взгляд, рассмотрел его внимательно и, помолчав, спросил:

— Вы лейтенант д'Артаньян?

— Так точно, монсеньор,— ответил офицер.

Кардинал еще раз оглядел эту умную голову и лицо, чрезвычайную подвижность которого чуть сковали годы испытаний. Д'Артаньян выдержал взгляд как человек, на которого смотрели когда-то глаза поострее тех, что подвергали экзамену его сейчас.

— Вы поедете со мной,— сказал кардинал,— или, вернее, я с вами поеду.

— Слушаюсь, монсеньор,— ответил д'Артаньян.

— Я хотел бы лично осмотреть посты у Пале-Рояля. Как вы думаете, это опасно?

— Опасно, монсеньор? — удивился д'Артаньян.— Отчего?

— Говорят, народ совсем взбунтовался.

— Мундир королевских мушкетеров пользуется большим уважением, монсеньор, и я вчетвером берусь разогнать сотню этих бездельников.

— Но вы же знаете, что случилось с Коменжем?

— Поручик Коменж гвардеец, а не мушкетер,— ответил д'Артаньян.

— Вы хотите сказать,— заметил кардинал, улыбаясь,— что мушкетеры лучшие солдаты, чем гвардейцы?

— У всякого мундира есть свое самолюбие, монсеньор.

— Только не у моего,— рассмеялся Мазарини.— Видите, я променял свой на ваш.

— О, монсеньор,— воскликнул д'Артаньян,— вы это говорите из скромности! Что до меня, то будь я на вашем месте, я удовольствовался бы тем, который вы носите, и никогда не вздумал бы его менять.

— Да, только для сегодняшней прогулки он, пожалуй, не очень надежен. Бернуин, шляпу!

Слуга подал форменную шляпу с широкими полями. Кардинал щеголевато нацепил ее и обернулся к д'Артаньяну:

— У вас в конюшне есть оседланные лошади?

— Да, монсеньор.

— Так едем.

— Сколько человек прикажете взять с собою, монсеньор?

— Вы сказали, что вчетвером справитесь с сотней бездельников; а поскольку мы можем встретить их две сотни, возьмите восемь.

— Как прикажете.

— Идите, я сейчас выйду. Или нет, постойте, лучше пройдем здесь. Бернуин, посвети.

Слуга взял свечу, а кардинал — маленький ключ из бюро, и, выйдя по потайной лестнице, они через минуту вышли во двор Пале-Рояля.

II НОЧНОЙ ПАТРУЛЬ

Спустя несколько минут маленький отряд выехал на улицу Добрых Ребят, обогнув театр, построенный кардиналом Ришелье для первого представления «Мирам»; теперь здесь по воле кардинала Мазарини, более любившего музыку, чем литературу, ставились первые во Франции оперные спектакли.

Все в городе свидетельствовало о народном волнении; многочисленные толпы шатались по улицам, и что бы ни говорил д'Артаньян, люди останавливались и глядели на солдат дерзко, с угрозой; по всему видно было, что горожане сменили свое обычное добродушие на более воинственное настроение. Время от времени доносился гул голосов со стороны рынка. На улице Сен-Дени слышались ружейные выстрелы, и по временам внезапно и без повода, начинал гудеть набатный колокол, колеблемый народной прихотью.

Д'Артаньян, казалось, не замечал всего этого. Если толпа загораживала дорогу, он направлял на нее свою лошадь, даже не думая кричать «берегись»; и как бы сознавая, с кем она имеет дело, толпа расступалась и давала дорогу патрулю. Кардинал восхищался спокойствием, объяснявшимся, по его мнению, его безразличием перед лицом опасности, и относился к офицеру, под начальством которого вдруг очутился, с невольным уважением, в котором само благоразумие не может отказать беспечной смелости.

Когда они приблизились к посту у заставы Сержантов, их окликнул часовой.

Д'Артаньян отозвался и, спросив у кардинала пароль, подъехал к караулу; пароль был: Людовик и Рокруа.

Поменявшись условными словами, д'Артаньян спросил, не лейтенант ли Коменж командует караулом.

Часовой указал ему на офицера, который разговаривал с каким-то всадником, положив руку на шею его лошади. Действительно, это был тот, кого искал д'Артаньян.

— Коменж здесь,— сказал д'Артаньян, вернувшись к кардиналу.

Мазарини подъехал к посту, тогда как д'Артаньян из скромности отъехал в сторону; по манере, с какой оба офицера, пеший и конный,

сняли шляпы, он понял, что они узнали Мазарини.

— Bravo, Гито,— сказал кардинал всаднику,— я вижу, что, несмотря на свои шестьдесят четыре года, вы по-прежнему бдительны и преданы королю. Что вы говорили этому молодому человеку?

— Монсеньор,— ответил Гито,— я говорил ему, что мы живем в смутное время и что сегодняшней день очень напоминает дни Лиги, о которой я столько слышал в молодости. Знаете, сегодня на улицах Сен-Дени и Сен-Мартен говорили ни больше ни меньше как о баррикадах.

— И что же ответил вам Коменж, милый мой Гито?

— Монсеньор,— сказал Коменж,— я ответил, что для Лиги им недостает только одного, как мне кажется, немало,— это герцога Гиза; к тому же такие вещи не повторяются.

— Нет, но зато они готовят Фронду, как они выражаются,— заметил Гито.

— Что такое Фронда? — спросил Мазарини.

— Так они называют свою партию, монсеньор.

— Откуда такое название?

— Кажется, несколько дней тому назад советник Башомон заявил в парламенте, что все мятежники похожи на школьников, которые попрятались по придорожным канавам и кидаются оттуда камнями, а чуть завидят полицию, разбегаются, а как только она уедет, вновь принимаются за старое. Они подхватили это слово и стали называть себя фрондерами. Эти два дня почти все в городе стало «фрондерским» — булки, шляпы, перчатки, муфты, веера; да вот, послушайте сами.

Действительно, в эту самую минуту распахнулось какое-то окно, в него высунулся мужчина и запел:

Слышен ветра шепот,
Слышет свист порой,
Это Фронды ропот:
«Мазарини долой».

— Негодяй,— проворчал Гито.

— Монсеньор,— сказал Коменж, который из-за побоев был в дурном настроении духа и, желая отомстить за свои синяки, искал только случая затеять ссору,— прикажите застрелить этого бездельника, чтобы он в другой раз не брал фальшивых нот.

И он уже протянул руку к кобуре на седле дядиной лошади.

— Нет, нет! — воскликнул Мазарини.— Черт побери, мой милый друг, вы все дело испортите, а оно пока идет чудесно. Я так хорошо знаю ваших французов, словно сам участвовал в их движении; поют — значит будут платить. Во время Лиги, о которой вспоминал сейчас Гито, пели только мессы, и все обстояло из рук вон плохо. Едем, Гито, едем, посмотрим, такой ли хороший караул на втором посту, как на первом.

И, кивнув Коменжу, он подъехал к д'Артаньяну, который снова занял место во главе маленького отряда. Следом за ним ехали кардинал и Гито, а немного поодаль — остальные.

— Это правда,— проворчал Коменж вслед удаляющемуся кардиналу.— Я и забыл: ему только плати, больше ничего не надо.

Теперь они ехали по улице Сент-Оноре, причем приходилось разгонять на пути кучки народа. Повсюду толковали о новых эдиктах; жалели юного короля, который, сам того не зная, разоряет народ; всю вину сваливали на Мазарини; поговаривали о том, чтобы обратиться к герцогу Орлеанскому и к принцу; восторженно выкрикивали имена Бланмениля и Брюсселя.

Д'Артаньян ехал среди народа совершенно невозмутимо, как будто сам он и его лошадь были из железа; Мазарини и Гито тихо разговаривали; мушкетеры, наконец признавшие кардинала, хранили молчание.

Когда по улице Святого Фомы они подъехали ко второму посту у Трехсот Слепых, Гито подозвал младшего офицера. Тот подошел доложить.

— Ну, как дела? — спросил Гито.

— Капитан,— сказал офицер,— все обстоит благополучно; только в этом доме, на мой взгляд, что-то неладно.

И он показал рукой на великолепный дом, стоявший там, где позже построили театр Водевиль.

— В этом доме? — сказал Гито.— Да ведь это особняк Рамбулье.

— Не знаю, Рамбулье или нет, но только я видел своими глазами, как туда входили какие-то подозрительные лица и их было много...

— Вот оно что! — расхохотался Гито.— Да ведь это поэты!

— Эй, Гито,— сказал Мазарини,— не надо отзываться так непочтительно об этих господах. Я сам в юности был поэтом и писал стихи в манере Бенсерада.

— Вы, монсеньор?!

— Да, я. Хочешь, продекламирую?

— Я не понимаю по-итальянски.

— А по-французски ты понимаешь, мой славный и храбрый Гито?
— продолжал Мазарини, дружески прикасаясь к его плечу.— И какое бы ни дали тебе приказание на этом языке, ты его исполнишь?

— Без сомнения, монсеньор, если приказание будет от королевы.

— Да, да! — пробормотал Мазарини, закусывая губу.— Я знаю, что ты ей предан.

— Я двадцать лет капитан гвардии ее величества.

— В путь, д'Артаньян,— сказал кардинал,— все в порядке.

Д'Артаньян снова двинулся в путь, прилежно играя роль исполнительного старого служаки.

Направляясь к третьему посту у Святого Рока, они проехали по улицам Ришелье и Вильдо, самым тихим и малонаселенным, поскольку те находились у самых укреплений.

— Кто командует этим постом? — спросил кардинал.

— Вилькье,— ответил Гито.

— Черт! — выругался Мазарини.— Поговорите с ним сами. Вы же знаете, мы с ним не в ладах с тех пор, как вам поручено было арестовать герцога Бофора; он в обиде на то, что не ему, капитану королевской гвардии, доверили честь выполнить это задание.

— Знаю, и сто раз доказывал ему, что он не прав, потому что король, которому было тогда четыре года, никак не мог дать ему такого приказания.

— Да, но зато я мог его дать, Гито, однако предпочел вас.

Гито молча прищпорил лошадь и, обменявшись с часовым паролем, вызвал Вилькье.

Тот вышел к нему.

— А, это вы, Гито! — проговорил он своим обычным недовольным тоном.— Какого черта вы сюда явились?

— Чтобы узнать, нет ли чего нового.

— На улицах кричат: «Да здравствует король и долой Мазарини». Да это уже не новость, мы привыкли к таким крикам.

— И сами им вторите? — смеясь ответил Гито.

— Иной раз хочется. Мне кажется, они правы, Гито; и я охотно бы отдал все не выплаченное мне за пять лет жалованье, лишь бы король был теперь на пять лет старше...

— А что было бы, если бы король был на пять лет старше?

— А вот что. Став совершеннолетним, король сам отдавал бы приказания, а гораздо приятнее повиноваться внуку Генриха Четвертого, чем сыну Пьетро Мазарини. За короля я умру с удовольствием; но сложить голову за Мазарини, как это чуть не случилось сегодня с вашим племянником!.. Никакой рай меня в этом не утешит.

— Хорошо, хорошо, капитан Вилькье,— проговорил Мазарини,— я доложу королю о вашей преданности.

И, обернувшись к своим спутникам, прибавил:

— Едем, господа; все в порядке.

«Вот так штука,— подумал Вилькье,— сам Мазарини был здесь! Тем лучше: меня уже давно подмывало сказать ему в глаза, что я о нем думаю».

— Благодарю вас, Гито,— прибавил он громко,— что доставили мне случай, хоть вы и не обо мне заботились...

И, повернувшись на каблуках, он ушел в караульную, насвистывая фрондерскую песенку.

Мазарини ехал назад в задумчивости; слова Коменжа, Гито, Вилькье окончательно убедили его, что в трудную минуту за него никто не постоит, кроме королевы; а королева так часто бросала своих друзей, что поддержка ее казалась иногда министру, несмотря на все принятые им меры, весьма эфемерной.

Во время всей этой ночной поездки, длившейся около часа, кардинал, не забывая о Коменже, Гито и Вилькье, не переставал внимательно следить за одним человеком. Этот человек, остававшийся бесстрастным перед народными угрозами и даже бровью не шевельнувшийся на шутки самого Мазарини и на насмешки над ними, казался ему более других закаленным и особенно подходящим для действий в условиях надвигавшихся событий.

Вообще-то имя д'Артаньяна не было ему совсем незнакомо, и хотя он, Мазарини, приехал во Францию только в 1634 или 1635 году, то есть через семь-восемь лет после истории, описанной нами в предыдущей книге, кардинал припоминал, что так называли человека, проявившего однажды (он не помнил, при каких именно обстоятельствах) чудеса ловкости и смелости.

Эта мысль так заняла его, что он решил немедленно разьяснить

интересовавший его вопрос, но не к д'Артаньяну же было обращаться за сведениями о... д'Артаньяне. По некоторым словам, произнесенным мушкетером, кардинал признал в нем гасконца; а итальянцы и гасконцы слишком хорошо знают друг друга и слишком схожи, чтобы доверять сказанному друг о друге. Поэтому когда они подъехали к стене, окружавшей сад Пале-Рояля, кардинал постучался в калитку (примерно в том месте, где сейчас находится кафе Фуа), поблагодарил д'Артаньяна и, попросив его обождать во дворе Пале-Рояля, сделал знак Гито следовать за ним. Оба сошли с лошадей, бросив поводья лакею, отворившему калитку, и исчезли в саду.

— Дорогой Гито,— сказал кардинал, беря под руку старого гвардейского капитана,— вы говорили, что уже более двадцати лет состоите на службе королевы.

— Да, это так,— ответил Гито.

— Так вот, милый мой Гито,— продолжал кардинал,— я заметил, что вы, помимо храбрости, которая не подлежит никакому сомнению, и много раз доказанной верности, отличаетесь еще превосходной памятью.

— Вы это заметили, монсеньор? — сказал гвардейский капитан.— Что ж, тем хуже для меня.

— Что сие значит?

— Без сомнения, одно из главных достоинств придворного, это уметь забывать.

— Но вы, Гито, не придворный, а только храбрый солдат, один из славных воинов, которые остались от времен Генриха Четвертого и которые, к сожалению, скоро совсем переведутся.

— Черт побери, монсеньор! Уж не пригласили ли вы меня для того, чтобы составить мой гороскоп?

— Нет,— ответил со смехом Мазарини,— я пригласил вас, чтобы спросить, заметили ли вы нашего лейтенанта мушкетеров?

— Д'Артаньяна?

— Да.

— Мне не к чему было его замечать, монсеньор, я уже давно его знаю.

— Что же это за человек?

— Что за человек? — воскликнул Гито удивленно.— Гасконец.

— Это мне известно; но я хотел спросить о другом: можно ли ему

вполне довериться?

— Де Тревиль относится к нему с большим уважением, а он, как вы знаете, большой друг королевы.

— Я хотел бы знать, показал ли он себя в деле...

— Храбрым солдатом? На это я могу ответить вам сразу. Мне говорили, что при осаде Ла-Рошели, под Сузой и под Перпиньяном он совершил чудеса храбрости.

— Знаете, милый Гито, мы, бедные министры, нуждаемся часто и в другого рода людях, причем не просто в храбрецах. Нам нужны... ловкие люди. Не знаете ли вы, или, быть может, слышали, не был ли д'Артаньян при покойном кардинале замешан в крупную интригу, которую провел очень умело?

— Монсеньор, в этой области,— сказал Гито, который уже понял, что кардинал хочет заставить его проговориться,— я многое знаю только понаслышке. Сам никогда не путался ни в каких интригах, а если о каких мне и рассказывали другие, то это не моя тайна, и вам о ней лучше расскажут другие.

Мазарини печально покачал головою.

— Ах,— проговорил он,— честное слово, бывают же счастливицы министры, которые знают все, что хотят знать.

— Монсеньор,— быстро ответил Гито,— к услугам таких министров бывают разные люди: для военных дел у них есть военные, для интриг — интриганы. Обратитесь к какому-нибудь интригану тех времен, о которых вы говорите, и узнаете все, что захотите... за плату, разумеется.

— Хорошо,— поморщился Мазарини, вот так всегда, без денег — ничего...— Ладно, заплатим... если иначе нельзя.

— Вы в самом деле желаете, чтобы я указал вам человека, участвовавшего во всех кознях того времени?

— Пер Вассо!^[1] — воскликнул Мазарини, начиная терять терпение. — Уже целый час я толкую вам об этом, упрямая вы голова!

— Есть человек, для этого дела подходящий, если только он согласится говорить.

— Уж об этом я позабочусь.

— Ах, монсеньор, не всегда легко заставить говорить человека, если он решил молчать.

— Ба! Терпением можно всего добиться. Так кто же этот человек?

— Граф Рошфор.

— Граф Рошфор?

— Да, но, к несчастью, он исчез года четыре назад, и я не знаю, что с ним случилось.

— Это я узнаю, Гито,— проговорил Мазарини.

— Так почему же вы только что жаловались, что ничего не знаете?

— Так вы думаете, что этот Рошфор...

— Он был правой рукой кардинала, монсеньор; но предупреждаю, что это будет вам дорого стоить; кардинал был щедр со своими любимцами...

— Да, да, Гито,— сказал Мазарини,— кардинал был великий человек, но у него был этот недостаток. Благодарю вас, Гито, я воспользуюсь вашим советом, и непременно.

Оба собеседника подошли в это время ко двору Пале-Рояля; кардинал отпустил Гито и, заметив офицера, шагавшего взад и вперед по двору, подошел к нему.

Это был д'Артаньян, ожидавший кардинала по его приказанию.

— Лейтенант д'Артаньян, пройдемте ко мне,— проговорил Мазарини самым приятным голосом,— у меня есть для вас поручение.

Д'Артаньян поклонился, прошел вслед за кардиналом по потайной лестнице и через минуту снова оказался в кабинете, из которого недавно отправился в путь. Кардинал сел за письменный стол и набросал несколько строк.

Д'Артаньян спокойно ждал, не выказывая нетерпения и любопытства — по укоренившейся военной привычке.

Кардинал сложил записку и запечатал.

— Лейтенант д'Артаньян,— деловито сказал он,— доставьте немедленно этот ордер в Бастилию и привезите оттуда человека, о ком здесь говорится. Возьмите экипаж и солдат, да хорошенько стерегите узника.

Д'Артаньян взял письмо, отдал честь и, повернувшись налево кругом, как на ученьях, вышел из кабинета. Через секунду послышался его отрывистый и спокойный голос:

— Четырех конвойных, карету, коня.

Через пять минут колеса кареты и подковы лошадей застучали по мостовой.

III

ДВА СТАРИННЫХ ВРАГА

Когда д'Артаньян подъехал к Бастилии, пробило половину девятого. Он велел доложить о себе коменданту тюрьмы, который, узнав, что он приехал с приказом от кардинала, вышел встречать посланца на крыльцо.

Комендантом Бастилии был в то время господин дю Трамбле, брат знаменитого монаха-капуцина Жозефа, грозного любимца Ришелье, прозванного «серым кардиналом».

Когда во времена заключения в Бастилии маршала Бассомпьера, просидевшего там двадцать лет, его товарищи по несчастью, мечтая о свободе, говорили, бывало, друг другу: «Я выйду тогда-то». — «А я тогда-то», — Бассомпьер отвечал им: «А я, господа, выйду тогда, когда выйдет дю Трамбле». Он намекал на то, что Трамбле со смертью кардинала неминуемо потеряет свое место, и тогда-то он, Бассомпьер, вернется ко двору.

Пророчество его едва не исполнилось, только в другом смысле; именно после смерти кардинала, вопреки общему ожиданию, Трамбле не ушел, и Бассомпьер тоже чуть не остался на всю жизнь в Бастилии.

Итак, Трамбле все еще был комендантом Бастилии, когда д'Артаньян явился туда, чтобы выполнить приказ министра. Он принял его с изысканной вежливостью, и поскольку в ту минуту сел за стол, то пригласил д'Артаньяна отужинать с ним.

— С большим удовольствием, — сказал д'Артаньян, — но, если я не ошибаюсь, на конверте стоит надпись: «Очень спешное».

— Это правда, — сказал Трамбле. — Эй, майор, пусть приведут номер двести пятьдесят шесть!

Поступая в Бастилию, каждый узник переставал быть человеком и становился «номером».

Д'Артаньян поежился, услышав звон ключей, и даже не сошел с лошади, а в ожидании стал рассматривать решетки, бойницы и гигантские стены, которые он видел раньше только из-за рвов и которые так сильно испугали его лет двадцать тому назад.

Зазвонил колокол.

— Я должен вас оставить, — сказал ему Трамбле, — меня зовут

подписать пропуск заключенному. До свидания, господин д'Артаньян.

«Черт меня побери, если я пожелаю еще раз с тобой свидеться! — проворчал про себя д'Артаньян, сопровождая это проклятие самой милой улыбкой.— Достаточно провести в этом дворе пять минут, чтобы подхватить какую-нибудь хворь. Я согласен лучше умереть на соломе, как, вероятно, и случится со мной, чем быть комендантом Бастилии ради десяти тысяч ливров дохода...»

Едва он закончил этот внутренний монолог, как появился узник. Увидев его, д'Артаньян невольно вздрогнул, но скрыл свои чувства. Узник сел в карету, видимо, не узнав д'Артаньяна.

— Господа,— сказал д'Артаньян четырем мушкетерам,— мне предписан строжайший надзор за узником, а поскольку дверцы кареты без замков, то я сам сяду с ним. Лильбон, окажите любезность, возьмите мою лошадь на повод.

— Охотно, лейтенант,— отвечал Лильбон.

Д'Артаньян спешил, отдал лошадь мушкетеру, сел рядом с узником и бесстрастным голосом приказал:

— В Пале-Рояль, тихим ходом.

Как только карета тронулась, д'Артаньян, пользуясь темнотой под сводами, где они проезжали, повернулся к узнику.

— Рошфор! — воскликнул он.— Вы! Это действительно вы! Или я ошибаюсь?

— Д'Артаньян! — воскликнул в свою очередь удивленный Рошфор.

— Ах, мой бедный друг! — продолжал д'Артаньян.— После пяти лет неведения я думал, что вы умерли.

— Что касается меня,— ответил Рошфор,— кажется, нет разницы между живым и мертвым; я похоронен или все равно что похоронен.

— За какое же преступление вы в Бастилии?

— Сказать вам правду?

— Да.

— Не знаю.

— Вы мне не доверяете? Рошфор!

— Да нет, клянусь! Ведь невозможно, чтобы я сидел за то, в чем меня обвиняют.

— В чем же?

— В ночном грабеже!

— Вы — грабитель! Рошфор, вы издеваетесь надо мной!

— Я вас понимаю. Это требует пояснения, не правда ли?

— Да уж.

— Дело было так: раз вечером, после попойки у Рейнара, в Тюильри с Фонтралем, Рие и другими герцог д'Аркур предложил пойти на Новый мост срывать плащи с прохожих; это развлечение, как вы знаете, вошло в большую моду с легкой руки герцога Орлеанского.

— Вы в своем уме, Рошфор? В ваши-то годы!

— Я хоть и был пьян, но все же эту забаву счел для себя неподходящей и предложил Рие быть вместе со мной зрителем, а не актером, и, чтобы видеть спектакль как из ложи, влезть на конную бронзовую статую. Сказано — сделано. Благодаря шпорам мы в минуту очутились верхом на статуе и стали любоваться с нее захватывающим зрелищем. Уж плащом пять было сдернуто, и так ловко, что никто даже пикнуть не посмел, как вдруг какой-то упрямый дуралей вздумал кричать: «Караул!» — и патруль стрелков тут как тут... Герцог д'Аркур, Фонтраль и другие разбежались; Рие хотел удрать тоже. Я его начал удерживать; говорю, никто нас здесь не заметит; не тут-то было, не слушает, стал слезать, ступил на шпору, шпора пополам, он свалился, сломал ногу и вместо того, чтобы молчать, стал вопить благим матом. Тут уж и я соскакиваю, но поздно, и я попал в руки стрелков, которые отвели меня в Шатле, где я и заснул преспокойно в полной уверенности, что назавтра выйду оттуда. Но проходит день, другой, целая неделя. Пишу кардиналу. В тот же день забирают меня и отвозят в Бастилию, где я и сижу... пять лет! За что? Должно быть, за дерзость, что сел на коня позади Генриха Четвертого.

— Ну, конечно, не за это. Вы, скорее всего, сейчас узнаете, за что на самом деле вас посадили.

— Да, кстати, я забыл спросить вас: куда вы меня везете?

— К кардиналу.

— Что ему от меня нужно?

— Не знаю; я даже не ведал, что еду именно за вами.

— Трудно поверить в такое! Вы — фаворит кардинала?

— Я — фаворит! — воскликнул д'Артаньян. — Ах, мой дорогой граф! Я теперь, увы, еще более неимущий гасконец, чем был двадцать два года тому назад, когда, как помните, мы встретились в Менге.

Тяжелый вздох закончил его фразу.

— Однако же вам дано поручение...

— Да просто я оказался в передней, и кардинал обратился ко мне, как обратился бы ко всякому другому дежурному; нет, я все еще лейтенант мушкетеров, и, если не ошибаюсь, это уже двадцать первый год.

— Однако с вами не случилось никакой беды?

— Какой же беде было со мной случиться? Есть латинский стих (я его забыл, а вернее, никогда не знал хорошо): «Молния не ударяет в долину». А я — долина, дорогой Рошфор, и одна из самых низких.

— Значит, Мазарини по-прежнему Мазарини?

— Больше чем когда-либо, милейший; говорят, он женат на королеве.

— Женат!

— Если он ей не муж, то уж наверное любовник.

— Устоять против Бекингема и сдать Мазарини!

— Таковы женщины! — философски заметил д'Артаньян.

— А герцог Бофор все еще в тюрьме?

— По-прежнему. Отчего вы об этом спрашиваете?

— Потому что он был хорош со мной и мог бы мне помочь.

— Вы, вероятно, сейчас ближе его к свободе; скорей вы ему теперь поможете.

— Значит, война...

— Будет.

— С Испанией?

— Нет, с Парижем.

— Что вы хотите этим сказать?

— Слышите эти выстрелы?

— Да. Так что же?

— Это мирные горожане тешатся в ожидании серьезного дела.

— Вы думаете, они на что-нибудь способны?

— Они подают надежды, и если б у них был предводитель, который бы их объединил... Вот во мне, например, уже давно никто не нуждается. Вы видите, в каком я положении.

— Вздумали еще жаловаться!

— Слушайте, Рошфор, заключим договор.

— Какой?

— Мы же с вами хорошие друзья!

— Черт возьми! Дружба наша оставила следы на моем теле: три

удара шпаги.

— Ну, так если вы опять будете в милости, не забудьте меня.

— Честное слово Рошфора, но при условии, что и вы сделаете то же.

— Непременно, вот вам моя рука.

— Итак, как только вам представится случай заговорить обо мне...

— Я заговорю... А если вам повезет...

— Я не забуду. А ваши друзья — о них тоже нужно позаботиться?

— Какие друзья?

— Атос, Портос и Арамис. Или вы забыли о них?

— Почти.

— Что с ними случилось?

— Не знаю.

— Неужели?

— Клянусь, что так. Как вы уже знаете, мы с ними расстались. Они живы, вот и все, что мне известно. Иногда получаю от них случайные весточки. Но где они, хоть убейте, не могу вам сказать. Честное слово! Из всех моих друзей остались только вы, Рошфор.

— А этот знаменитый... как бишь звали того малого, которого я произвел в сержанты Пьемонтского полка?

— Планше.

— Да! Что же случилось со знаменитым Планше?

— Он женился на хозяйке кондитерской на Ломбардской улице; он всегда любил сладости, и поскольку он парижский буржуа, то, по всей вероятности, участвует сейчас в бунте. Вы увидите, что этот плут будет старшиной раньше, чем я капитаном.

— Полноте, милый д'Артаньян, не унывайте. Будет и на нашей улице праздник. Может быть, с сегодняшнего же вечера ваша судьба изменится.

— Аминь! — сказал д'Артаньян, останавливая карету.

— Что вы делаете? — спросил Рошфор.

— Мы приехали, а я не хочу, чтобы видели, как я выхожу из кареты; мы с вами незнакомы.

— Вы правы. Прощайте.

— До свидания; помните обещание.

Д'Артаньян вскочил на лошадь и поскакал впереди.

Минут пять спустя они въехали во двор Пале-Рояля.

Д'Артаньян повел узника по большой лестнице через приемную и

коридор. Дойдя до дверей кабинета Мазарини, он уже собирался доложить о себе, когда Рошфор положил ему на плечо руку.

— Д'Артаньян,— сказал Рошфор улыбаясь,— признаться вам, о чем я думал всю дорогу, глядя на толпы народа, между которыми мы проезжали и которые гневно смотрели на вас и ваших четырех солдат?

— Что ж, говорите,— ответил д'Артаньян.

— Мне стоило только крикнуть: «Помогите!» — и вы, и ваш конвой были бы изрублены на куски, а я был бы на свободе.

— Почему же вы этого не сделали? — сказал д'Артаньян.

— А наша клятва в дружбе? Если бы не вы, а кто-нибудь другой вез меня, тогда другое дело...

Д'Артаньян опустил голову.

«Неужели Рошфор стал лучше меня?» — подумал он и велел доложить о себе министру.

— Введите Рошфора,— раздался нетерпеливый голос Мазарини, когда он услышал эти два имени,— и попросите лейтенанта д'Артаньяна подождать; я еще с ним не закончил.

Д'Артаньян просиял от этих слов; как он только что сказал, он давно никому не был нужен, и эти слова показались ему добрым предзнаменованием.

Что до Рошфора, то его эти слова заставили насторожиться. Он вошел в кабинет и увидел Мазарини за письменным столом в своем обыкновенном платье, которое походило на одеяние аббатов того времени, только чулки и плащ были фиолетовые.

Дверь снова закрылась. Рошфор поднял глаза на Мазарини, и их взгляды встретились.

Министр был все такой же, причесанный, завитой, надушенный, и благодаря своему кокетству казался моложе своих лет. Что касается Рошфора, то пять лет, проведенные им в тюрьме, состарили этого достойного друга Ришелье; его черные волосы стали совсем седыми, а бронзовый цвет лица сменился болезненной бледностью. При виде его Мазарини слегка качнул головой, словно желая сказать: «Вот человек, который, кажется, уж больше ни на что не способен». После довольно продолжительного молчания, которое Рошфору показалось бесконечным, Мазарини вынул из пакета письмо и показал его Рошфору.

— Я нашел здесь это письмо, в котором вы просите возвратить вам

свободу. Разве вы были в тюрьме?

Рошфор задохнулся от гнева.

— Мне кажется, это лучше других известно вам,— ответил он, с трудом сдерживаясь.

— Мне? Но в Бастилии целая куча людей, которых посадили еще при кардинале Ришелье, и даже имена их мне неизвестны.

— Но вы знали мое имя, потому что именно по вашему приказу я был переведен из Шатле в Бастилию.

— Вы так полагаете?

— Я знаю точно.

— Да, припоминаю, действительно; не отказались ли вы тогда ехать в Брюссель по делу королевы?

— А! — сказал Рошфор.— Так вот настоящая причина! А я пять лет ломал голову. Какой глупец, что не догадался сразу!

— Но я вовсе не говорю, что это причина вашего ареста. Я спрашиваю вас, только и всего: не отказались ли вы ехать в Брюссель по делу королевы и не согласились ли ехать туда по делам покойного кардинала?

— Как раз по той причине, что я ездил туда по делам кардинала, я не мог поехать туда же по делам королевы. Я был в Брюсселе в тяжелое время. Это было при заговоре Шале. Я должен был перехватить переписку Шале с эрцгерцогом, и меня, узнав там, чуть не убили. Я погубил бы королеву, вместо того чтоб оказать ей услугу.

— Ну, вот, видите, как иногда лучшие намерения истолковываются в дурную сторону, мой дорогой Рошфор! Королева увидела в вашем отказе только отказ, простой и категорический; ее величество имела много причин быть вами недовольной при покойном кардинале.

Граф презрительно улыбнулся.

— Совершенно справедливо, что я хорошо служил кардиналу Ришелье против королевы, но именно из этого вы должны понять, монсеньор, что после его смерти я мог бы отлично служить вам против всего света.

— Нет, Рошфор,— сказал Мазарини,— я не таков, как Ришелье, стремившийся к неограниченной власти; я простой министр, который не нуждается в слугах, будучи сам слугой королевы. А поскольку ее величество очень обидчива, то, узнав ваш отказ, она прочла в нем объявление войны и, зная, какой вы ловкий, а значит, и опасный

человек, мой дорогой Рошфор, она приказала мне обезопасить ее от вас. Вот каким образом вы очутились в Бастилии.

— Итак, монсеньор, мне кажется,— сказал Рошфор,— что, если я попал в Бастилию по недоразумению...

— Да, да,— перебил Мазарини,— все еще можно исправить; вы человек опытный и, поняв, в чем дело, умеете с успехом завершить его.

— Такого же мнения придерживался кардинал Ришелье, и мое благоговение пред этим великим человеком увеличивается еще от того, что его мнение разделяете и вы.

— Это правда,— продолжал Мазарини,— кардинал был прежде всего политик, и в этом он имел большое преимущество предо мной. А я человек прямой и этим очень врежу себе; у меня чисто французская откровенность.

Рошфор закусил губу, чтобы не улыбнуться.

— Вот в чем дело. Мне нужны хорошие друзья, верные слуги; когда я говорю «мне нужны», это значит, что они нужны королеве. Я все делаю только по приказу королевы, вы же понимаете, а не так, как кардинал Ришелье, который действовал по собственной прихоти. Потому-то я никогда не стану великим человеком, как он; но зато я добрый человек, Рошфор, и, надеюсь, у меня будет повод доказать это.

Рошфор хорошо знал этот бархатный голос, в котором по временам слышался хрип, похожий на змеиное шипение.

— Готов вам поверить, монсеньор,— сказал он,— хотя, по личному опыту, я немного побаиваюсь той доброты, о которой вам угодно упомянуть. Не забудьте, монсеньор,— продолжал Рошфор, заметив движение, которое старался сдержать министр,— не забудьте, что я пять лет провел в Бастилии, а согласитесь, ничто так не искажает взгляда на вещи, как тюремная решетка.

— Ах, Рошфор, ведь я сказал вам, что я тут ни при чем. Все это королева... а гнев женщины и принцессы быстро проходит, и тогда все забывается...

— Охотно верю, что она это забыла, проведя пять лет в Пале-Рояле, среди празднеств и придворных; но я, который провел их в Бастилии...

— Ах, милый Рошфор, не воображайте, что жизнь в Пале-Рояле такая уж веселая. Увы. У нас там тоже, уверяю вас, немало бывает неприятностей. Но довольно об этом. Я веду откровенную игру, как всегда. Скажите, вы на нашей стороне, Рошфор?

— Вы должны понять, монсеньор, что я ничего лучшего не желаю, но ведь я не знаю ничего о том, что происходит в Париже. В Бастилии о политике приходится разговаривать лишь с солдатами да тюремщиками, и вы не представляете себе, монсеньор, как плохо эти люди осведомлены о событиях. Я разделяю судьбу Басомпьера. Кстати, он все еще один из семнадцати вельмож?

— Он умер, и это большая потеря. Он был предан королеве, а преданные люди редки.

— Еще бы,— сказал Рошфор,— если и сыщутся, вы их сажаете в Бастилию.

— Но чем вы можете доказать свою преданность?

— Делами! — ответил Рошфор.

— Да, да, делами! — задумчиво проговорил министр.— Но где же найти этих людей дела?

Рошфор потрянул головой.

— В них никогда нет недостатка, монсеньор, только вы плохо ищите.

— Плохо ищете? Что вы хотите сказать этим, милый Рошфор? Научите меня. Вы должны были многому научиться у покойного кардинала. Ах, какой это был великий человек!

— Вы не рассердитесь на меня за маленькое нравоучение?

— Я? Ни за что! Вы знаете, мне все можно говорить в лицо. Я стараюсь, чтобы меня любили, а не боялись.

— Монсеньор, в моей камере нацарапана гвоздем на стене пословица: «Каков господин...»

— Знаю, знаю: «таков лакей».

— Нет: «таков слуга». Эту скромную поправку внесли те преданные люди, о которых я только что вам говорил, для своего личного удовлетворения.

— Что же означает эта пословица?

— Она означает, что Ришелье умел находить преданных слуг, и целыми дюжинами.

— Он? Да на него со всех сторон были нацелены острия кинжалов! Он всю жизнь только и занимался тем, что отражал наносимые ему удары.

— Но он все же отражал их, хотя их наносили усердно. У него были злые враги, но зато имелись и добрые друзья.

— Вот они-то мне и нужны.

— Я знал людей,— продолжал Рошфор, подумав, что настала минута сдержать слово, данное д'Артаньяну,— я знал людей, которые своей ловкостью сто раз провели проницательного кардинала; храбростью побороли его охрану и шпионов; людей, которые без денег, без всякой помощи удержали корону на голове одной коронованной особы и заставили кардинала просить пощады.

— Но ведь люди, о которых вы говорите,— сказал Мазарини,— совсем не были преданы кардиналу, раз они боролись против него.

— Не были, потому что иначе они были бы лучше вознаграждены; к несчастью, они были преданы той самой королеве, для которой вы испрашиваете у меня верных слуг.

— Но откуда вы все это знаете?

— Я знаю все это потому, что эти люди были в то время моими врагами; потому что они боролись против меня; потому что я причинил им столько зла, сколько был в состоянии совершить; потому что они с избытком отплатили мне тем же; потому что один из них, с которым я больше всего имел дело, нанес мне удар шпагой лет семь тому назад,— это был уже третий удар одной и той же руки... Мы свели, наконец, старые счета.

— О,— добродушно воскликнул Мазарини,— если б я знал подобных людей!

— Ах, монсеньор, один из них уже более шести лет у вас под рукой, и вы все шесть лет считали его ни на что не пригодным.

— Кто же это?

— Лейтенант д'Артаньян.

— Этот гасконец! — воскликнул Мазарини с превосходно разыгранным удивлением.

— Этот гасконец спас королеву и показал Ришелье, что есть люди хитрее и ловчее его.

— В самом деле?

— Это чистейшая правда.

— Расскажите-ка, милый Рошфор.

— Это очень трудно, монсеньор,— ответил тот с улыбкой.

— Ну, тогда он сам мне расскажет.

— В этом я сомневаюсь, монсеньор.

— Почему?

— Потому, что тайна касается не его; как я сказал вам, это тайна королевы.

— И он один совершил этот подвиг?

— Нет, монсеньор, с ним было трое друзей, три храбреца, помогавших ему, трое из тех, кого вы как раз искали...

— И эти четыре человека были тесно связаны между собой, говорите вы?

— Эти четыре человека, можно сказать, составляли одно целое, точно их четыре сердца бились в одной груди. И чего они только не наделали вчетвером.

— Мой милый Рошфор, вы до крайности раздражили мое любопытство. Неужели вы не можете поведать мне эту историю?

— Нет, но я могу рассказать вам сказку, чудесную сказку, монсеньор.

— О, расскажите же мне ее, Рошфор. Я ужасно люблю сказки.

— Вам это в самом деле интересно, монсеньор? — спросил Рошфор, стараясь прочесть истинные намерения в умном и лукавом лице собеседника.

— Очень.

— В таком случае, извольте. Жила-была одна королева... могущественная, одна из величайших в мире, и один важный министр хотел причинить ей очень много зла за то, что прежде желал ей слишком много добра. Не трудитесь, монсеньор, вы все равно не угадаете имен. Все это происходило задолго до того, как вы приехали в государство, где царствовала эта королева. И вот, является ко двору один посланник, такой красивый, богатый, элегантный, что все женщины сходили с ума от него, и даже сама королева имела неосторожность подарить ему — на память о том, как он исполнял свои дипломатические поручения, — одно такое украшение, которое ничем нельзя было заменить. Поскольку это украшение было подарено ей королем, то министр внушил последнему, чтобы тот приказал королеве явиться на ближайший бал в этом украшении. Нет надобности говорить вам, монсеньор, что министр знал из достоверных источников, что украшение это исчезло вместе с посланником, а сам посланник — уже далеко за морем. Великая королева была на краю гибели, как последняя из своих подданных. Как низко должна была она пасть с высоты своего величия!

— Как это замечательно! — молвил Мазарини.

— Так вот, монсеньор, четыре человека решили спасти ее. Эти четыре человека не были ни принцы, ни герцоги, ни люди влиятельные, ни даже богачи: это были четыре солдата. Они отправились в путь. Министр знал об их отъезде и расставил повсюду людей, чтобы помешать им достигнуть цели. Трое из них были захвачены врагами, гораздо более многочисленными, чем они; но один из них пробился на берег, убил или ранил тех, кто пытался его задержать, переплыл море и привез королеве драгоценные подвески, которые она в назначенный день могла приколоть к своему плечу. Это чуть не погубило министра. Что вы скажете о таком подвиге, монсеньор?

— Великолепно! — проговорил Мазарини.

— Я знаю за ним еще десяток таких подвигов.

Мазарини не отвечал; он погрузился в размышления.

Прошло несколько минут.

— У вас есть еще вопросы? — спросил Рошфор.

— Д'Артаньян был одним из этих четырех людей, говорите вы? — спросил Мазарини.

— Он был главным из них.

— А другие — кто это был?

— Монсеньор, позвольте д'Артаньяну самому назвать их вам. Это были его друзья, а не мои; они слушали только его, и я даже не знаю их настоящих имен.

— Вы мне не доверяете, Рошфор. Но все равно, я буду откровенен до конца: мне нужны вы, нужен он, нужны все.

— Начинайте с меня, монсеньор, раз вы послали за мной, и я здесь, а потом уже перейдем к другим. Не удивляйтесь моему любопытству. Человек, который провел пять лет в тюрьме, вправе интересоваться, куда его пошлют.

— Вы будете моим доверенным лицом, дорогой Рошфор. Вы поедете в Венсен, где заключен герцог Бофор, и будете стеречь его, не спуская глаз. Вы хотите что-то сказать?

— Вы предлагаете мне невозможное, — ответил Рошфор, обманутый в своих ожиданиях.

— Почему невозможное?

— Потому что герцог Бофор мой друг; разве вы забыли, монсеньор, что он ручался за меня королеве?

— Герцог Бофор стал с тех пор врагом правительства.

— Допускаю, монсеньор; но поскольку я не король, не королева и не министр, то мне он не враг, и я не могу принять ваше предложение.

— Так вот что вы называете преданностью! Поздравляю вас. Ваша преданность немногому вас обязывает, господин Рошфор.

— И затем, выше высокопреосвященство, вы сами понимаете, что выйти из Бастилии для того, чтобы поселиться в Венсене, значит только переменить тюрьму.

— Скажите сразу, что вы принадлежите к партии Бофора,— это будет, по крайней, мере честно.

— Монсеньор, я так долго сидел взаперти, что теперь хочу примкнуть только к одной партии, к партии свежего воздуха. Пошлите меня с поручением куда хотите, назначьте мне какое угодно дело, но на открытой дороге, если возможно.

— Мой милый Рошфор,— сказал насмешливо Мазарини,— вы увлекаетесь в своем усердии. Вы все еще воображаете себя молодым, благо сердце в вас еще бьется, но сил неостанет. Поверьте мне, все, что вам теперь нужно, это отдых. Эй, кто-нибудь!

— Итак, вы ничего не решили со мной?

— Напротив, я уже решил.

Вошел Бернуин.

— Позови жандарма,— сказал он,— и будь около меня,— прибавил он шепотом.

Вошел жандарм. Мазарини написал несколько слов и отдал записку, потом, кивнув головой, сказал:

— Прощайте, Рошфор.

Рошфор почтительно поклонился.

— Я предвижу, монсеньор,— сказал он,— что меня опять отвезут в Бастилию?

— Вы очень догадливы.

— Я возвращаюсь туда, монсеньор, но, повторяю, вы делаете большую ошибку, не воспользовавшись мной.

— Вами, другом моих врагов?!

— А что прикажете делать? Вам следовало сделать меня врагом ваших врагов.

— Уж не думаете ли вы, Рошфор, что важнее вас нет никого на свете? Немало найдется и лучше вас.

— Желаю вам удачи, монсеньор.

— Хорошо, ступайте, ступайте. Кстати, бесполезно писать мне, Рошфор, ваш труд пропадет даром.

«Другим услужил, а себе ничего,— проворчал, выходя, Рошфор.— Уж если д'Артаньян не останется мной доволен, когда я расскажу ему сейчас, как расхвалил его, то, значит, трудно ему угодить. Черт, куда это меня ведут!»

Действительно, Рошфора повели по узенькой лестнице вместо того, чтобы провести через приемную, где ожидал д'Артаньян. На дворе он увидел карету и четырех конвойных, но между ними не было его друга.

«А,— подумал Рошфор,— это придает делу другой оборот. И если на улицах все так же много народу, то мы постараемся доказать Мазарини, что я, слава богу, способен еще на нечто большее, чем сторожить заключенных».

И он легко вскочил в карету, словно ему было двадцать пять лет.

IV

АННА АВСТРИЙСКАЯ В СОРОК ШЕСТЬ ЛЕТ

Оставшись вдвоем с Бернуином, Мазарини просидел несколько минут, погруженный в свои мысли. Теперь он знал многое, однако еще не все. Мазарини плутовал в игре, как это удостоверяет Бриенн; он называл это «соблюдением своих интересов». Он решил начать партию с д'Артаньяном только после того, как узнает все карты противника.

— Что прикажете? — спросил Бернуин.

— Посвети мне, — сказал Мазарини, — я пройду к королеве.

Бернуин взял подсвечник и пошел вперед.

Потайной ход соединял кабинет Мазарини с покоем королевы; этим-то коридором и пользовался кардинал, чтобы навещать в любое время Анну Австрийскую.

Добравшись по этому коридору до спальни королевы, Бернуин встретил там госпожу Бове. Бернуин и Бове были близкими поверенными этой запоздалой любви. Бове пошла доложить о кардинале Анне Австрийской, которая находилась в своей молельне с юным королем Людовиком XIV.

Анна Австрийская сидела в большом кресле, опершись локтем о стол, и, склонив голову на руку, смотрела на царственного ребенка, который, лежа на ковре, перелистывал книгу с картинками про войну. Анна Австрийская была королевой, умевшей даже скучать с царственным величием; иногда она на целые часы уединялась в своей спальне или молельне и сидела там, не читая и не молясь. В руках короля был Квинт Курций — иллюстрированная история деяний Александра Македонского.

Госпожа Бове с порога молельни доложила о кардинале Мазарини.

Ребенок приподнялся на одно колено, нахмурил брови и спросил у матери:

— Почему он входит, не испросив аудиенции?

Анна слегка покраснела.

— В такое трудное время, как теперь, — сказала она, — нужно, чтоб первый министр мог в любой час докладывать королеве обо всем, что происходит, не возбуждая любопытства и пересудов придворных.

— Но Ришелье, кажется, так не входил, — заметил ребенок.

— Как ты можешь знать, что делал Ришелье? Ты был тогда такой маленький, что не можешь этого помнить.

— Я и не помню, но я спрашивал других, и мне так сказали.

— Кто тебе это сказал? — спросила Анна, нахмурившись.

— Кто? Я знаю, что не надо называть тех, которые мне что-нибудь говорят, а то мне никто больше ничего не скажет.

В эту минуту вошел Мазарини. Король встал, захлопнул книгу и, положив ее на стол, продолжал стоять, чтобы заставить стоять и кардинала.

Мазарини быстро окинул взглядом присутствующих, пытаясь понять, что здесь происходило. Он почтительно поклонился королеве и королю, который ответил ему небрежным кивком головы. Но мать взглядом упрекнула его за такое проявление ненависти, которой Людовик XIV с детства проникся к кардиналу, и ребенок тотчас же с улыбкой ответил на приветствие министра.

Анна Австрийская старалась прочесть в лице Мазарини причину его непредвиденного посещения, поскольку кардинал обычно приходил к ней, лишь когда королева оставалась одна.

Министр сделал едва заметный знак головой. Королева обратилась к госпоже Бове.

— Королю надо идти спать,— сказала она.— Позовите Лапорта.

Королева уже два или три напоминала маленькому Людовику, что ему пора уходить, но ребенок ласково просил позволения остаться еще. На этот раз он ничего не сказал, только закусил губу и побледнел.

Через минуту вошел Лапорт.

Ребенок пошел прямо к нему, не поцеловав матери.

— Ты не простился со мной,— сказала Анна.

— Я думал, что вы на меня рассердились, раз меня прогоняете.

— Я вовсе не гоню тебя, но у тебя только что кончилась ветряная оспа, ты еще не совсем оправился, и я боюсь, чтобы ты не утомился.

— Однако вы не боялись возить меня сегодня в парламент подписывать эти указы, которыми народ так недоволен.

— Государь,— сказал Лапорт, чтобы переменить разговор,— кому прикажете передать подсвечник?

— Кому хочешь, только не Манчини,— ответил ребенок громко.

Манчини был племянником кардинала, определенный последним к королю, который и на него перенес часть своей ненависти к Мазарини.

Король вышел, не поцеловав матери и не простившись с кардиналом.

— Вот это хорошо! — сказал Мазарини.— Приятно видеть, что в короле воспитывают отвращение к притворству.

— Что это значит? — как-то робко спросила королева.

— Мне кажется, что уход короля не требует пояснений; и вообще, его величество не дает себе труда скрывать, как мало он меня любит, что, впрочем, не мешает мне быть преданным ему, как и вашему величеству.

— Прошу вас извинить его, кардинал, он еще ребенок и не понимает, сколь многим вам обязан.

Кардинал улыбнулся.

— Но,— продолжала королева,— вы ведь пришли по какому-нибудь важному делу? Что случилось?

Мазарини сел или, вернее, развалился в широком кресле и сказал печальным голосом:

— Случилось так, что, по всей вероятности, мы будем вскоре вынуждены разлучиться, если, конечно, вы не решитесь, из дружеских отношений, последовать за мной в Италию.

— Почему так? — спросила королева.

— Да потому что, как поется в опере «Тисба»,— «Весь мир враждебен нашей страсти нежной».

— Вы шутите! — сказала королева, пытаюсь придать своему голосу хоть немного прежнего величия.

— Увы, сударыня, я вовсе не шучу,— ответил Мазарини.— Поверьте мне, я скорее готов плакать; и есть о чем, потому что, как я уже вам сказал: «Весь мир враждебен нашей страсти нежной». А поскольку и вы часть этого мира, то, значит, вы тоже покидаете меня.

— Кардинал!

— Ах, боже мой, разве я не видел, как вы на днях приветливо улыбались герцогу Орлеанскому или, если не ему, то уж точно тому, что он говорил вам.

— А что же он мне говорил?

— Он говорил: «Ваш Мазарини — камень преткновения. Удалите его, и все будет хорошо».

— И чего же вы хотите?

— О, ваше величество! Вы все-таки королева.

— Хороша королева! Я нахожусь в зависимости от любого писаря из Пале-Рояля, от всякого мелкого дворянчика.

— Однако вы достаточно сильны для того, чтобы избавиться от людей, которые вам не нравятся.

— Скажите лучше — вам! — воскликнула королева.

— Мне?

— Конечно! Не вы ли удалили госпожу де Шеврез, которую двенадцать лет преследовали в прошлое царствование?

— Да ведь она интриганка! Ей захотелось плести против меня козни, начатые еще при Ришелье.

— А кто удалил госпожу Отфор, мою верную подругу, которая отвергла ухаживания короля, лишь бы только сохранить мое расположение?

— Ханжа. Она каждый вечер, раздевая вас, твердила, что вы губите свою душу, любя священника, как будто кардинал и священник одно и то же.

— Кто велел арестовать Бофора?

— Мятежника, который хотел убить меня!

— Вам хорошо видно, кардинал, что те, кто ваши враги,— мои враги.

— Этого мало. Надо еще, чтобы ваши друзья были и моими друзьями.

— Увы! — покачала королева головой.— У меня нет больше друзей.

— Не могу поверить, как может не быть друзей в счастье, когда они были у вас в несчастье...

— Потому что я в счастье забыла своих друзей. Я поступила, как Мария Медичи, которая, возвратясь из первого своего изгнания, забыла обо всех пострадавших за нее, а потом, изгнанная вторично, умерла в Кельне, брошенная всеми, даже собственным сыном, потому что тогда уже никто не хотел о ней вспомнить.

— Быть может, еще есть время,— сказал Мазарини,— исправить ошибку? Поищите среди ваших прежних друзей.

— Объяснитесь!

— Что тут непонятного? Поищите...

— Увы, сколько я ни смотрю вокруг себя, не вижу никого, на кого могла бы иметь влияние. Братом короля, как всегда, управляет фаворит: вчера это был Шуази, сегодня Ла Ривьер, завтра кто-нибудь другой.

Принцем завладела госпожа де Лонгвиль, а ею самой — ее любовник, де Марсильяк. Де Конти послушно идет за своим коадьютором, а тот за госпожою де Гемене.

— Но я же сказал — ищите среди прежних, а не нынешних людей.

— Прежних? — эхом отозвалась королева.

— Да, например, среди тех, которые помогали вам бороться с Ришелье и даже побеждать его...

«На что он намекает?» — подумала королева, поглядывая на кардинала с беспокойством.

— Да,— продолжал он,— при некоторых обстоятельствах вы умели с вашим тонким умом и с помощью ваших друзей отражать нападения достаточно мощного противника.

— Я! — воскликнула королева.— Я терпела, и только.

— Да,— сказал кардинал,— терпели и мстили как истинная женщина. Но перейдем к делу. Помните Рошфора?

— Он не был в числе моих друзей, напротив, это мой заклятый враг, верный слуга кардинала. Я думала, что вам это известно.

— Я это настолько хорошо знаю,— ответил Мазарини,— что мы приказали посадить его в Бастилию.

— Сейчас он вышел оттуда? — спросила королева.

— Не беспокойтесь, он все еще там; я заговорил о нем только для того, чтобы перейти к другому. Знаете д'Артаньяна? — спросил Мазарини, глядя на королеву в упор.

Анна Австрийская вздрогнула.

— Неужели гасконец проболтался? — прошептала она. Потом прибавила громко: — Д'Артаньян? Подождите-ка, в самом деле, это имя мне знакомо. Д'Артаньян, мушкетер, который любил одну из моих горничных? Ее, бедняжку, потом отравили из-за меня.

— Только и всего? — спросил Мазарини.

Королева удивленно посмотрела на него.

— Но, кардинал, кажется, это похоже на допрос?

— Во всяком случае,— сказал Мазарини со своей вечной улыбкой, тем же медоточивым голосом,— вы можете ответить — или нет.

— Изложите ясно ваши пожелания, и я отвечу на них так же,— начала терять терпение королева.

— Ваше величество,— сказал Мазарини, кланяясь,— мне всего лишь хочется, чтобы вы поделились со мной вашими друзьями, как я

поделился с вами теми немногими знаниями и способностями, которыми Всевышний наградил меня. Положение осложняется, и надо действовать быстро и смело.

— Опять! — сказала королева.— Я думала, что мы уже покончили с Бофором.

— Да, вы смотрели лишь на своды, которые могли на нас обрушиться, и не обратили внимания на воду под ногами. А между тем есть поговорка, что в тихом омуте...

— Договаривайте,— сказала королева.

— Каждый день я терплю оскорбления от ваших принцев и титулованных лакеев, от всех этих марионеток, которые не замечают, что в моей руке все ведущие их нити, и не догадываются, что под маской внешнего спокойствия во мне таится гнев человека, который в один прекрасный день поклялся доказать свое могущество. Правда, мы арестовали Бофора, но он был наименее опасным из них всех. Остается еще принц...

— Победитель при Рокруа! Неужели вы думаете арестовать его?

— Да, ваше величество, признаюсь, эта мысль не оставляет меня, но, как говорят итальянцы, *razienza*^[2]. А кроме Конде есть еще герцог Орлеанский...

— Что вы говорите? Первый принц крови, дядя короля!

— Нет, я имею в виду не первого принца крови, и речь идет не о дяде короля, но о подлом заговорщике, который в прошлое царствование, подстрекаемый своим капризным и фантастическим характером, снедаемый бездельем, разжигаемый низким честолюбием, из зависти к тем, кто превосходит его благородством и храбростью, обозлившись на то, что он ничтожество, благодаря этому самому своему ничтожеству сделался проводником всех злонамеренных толков, душой всяких заговоров, подстрекателем смельчаков, которые имели глупость поверить слову человека царственной крови и которых он предал, когда они отправились на эшафот. Нет, повторяю, это не принц крови и не дядя короля, а убийца Шале, Монморанси и Сен-Мара, который сегодня пытается сыграть опять ту же шутку и воображает, что одержит верх, потому что у него переменился противник, ибо теперь перед ним вроде бы человек не с угрозой, а с улыбкой на устах. Но он ошибается; он промахнулся, погубив Ришелье, и не в моих интересах оставлять подле королевы источник раздоров, с помощью которых покойный кардинал

двадцать лет успешно растравлял желчь покойного короля.

Анна покраснела и закрыла лицо руками.

— Я нисколько не желаю унижить ваше величество,— продолжал Мазарини более спокойным, твердым голосом.— Я хочу лишь, чтобы все уважали королеву и ее министра, потому что в глазах всех я не кто иной, как министр. Вашему величеству известно, что я не пройдохаталянец, как многие меня называют. Но нужно, чтобы это знал весь мир так же, как ваше величество.

— Хорошо. Что же я должна сделать? — проговорила Анна, склоняясь перед этим властным голосом.

— Вы должны припомнить имена тех верных и преданных людей, которые съездили за море вопреки воле Ришелье и, щедро окропив весь свой путь собственной кровью, возвратили вашему величеству одно украшение, которое вам угодно было вручить Бекингему.

Анна величаво поднялась, словно под действием стальной пружины, и, гневно глядя на кардинала с гордым видом, делавшим ее такой могущественной в дни ее молодости, сказала:

— Вы меня оскорбляете!

— Мне хочется,— продолжал Мазарини, доканчивая свою мысль, прерванную жестом королевы,— чтобы вы сейчас сделали для мужа то, что сделали когда-то для любовника.

— Опять клевета! — воскликнула королева.— Я думала, что она умерла или хотя бы притихла, ибо вы до сих пор не вспоминали ее. Но вот и вы тоже все повторяете... Тем лучше. Объяснимся сегодня и кончим раз навсегда, слышите!

— Но, ваше величество,— произнес Мазарини, удивленный этим неожиданным проблеском воли со стороны королевы,— я вовсе не требую, чтобы вы мне рассказали все.

— А я хочу вам все рассказать,— ответила Анна Австрийская.— Слушайте. В то время действительно имелись четыре преданных сердца, четыре благородные души, четыре верные шпаги, которые спасли больше, чем жизнь: они спасли мою честь.

— Ага! Вы сознаетесь в этом? — сказал Мазарини.

— Неужели, по-вашему, только виновный может трепетать за свою честь? Разве нельзя обесчестить кого-нибудь, особенно женщину, на основании одних лишь наветов? Да, все и вся было против меня, и я неизбежно должна была лишиться чести, а между тем, клянусь вам, я не

была виновна. Клянусь...

Королева стала искать вокруг себя какой-нибудь священный предмет, на котором могла бы произнести клятву; она вынула из потайного стеного шкафчика ларчик розового дерева с серебряной инкрустацией и, поставив его на алтарь, сказала:

— Клянусь священными реликвиями, хранящимися здесь, я была невинна. Я любила Бекингема, но Бекингом не был моим любовником.

— Что это за священные предметы, на которых вы приносите клятву, ваше величество? — спросил, улыбаясь, Мазарини.— Потому что, предупреждаю вас, я римлянин и поэтому не отличаюсь легковерием. Бывают всякого рода реликвии...

Королева сняла с шеи маленький золотой ключик и подала его кардиналу.

— Откройте и взгляните.

Заинтригованный Мазарини принял из ее рук ключ, отпер ларчик и нашел в нем заржавленный нож и два письма, из которых одно было запятнано кровью.

— Что это? — спросил Мазарини.

— Что это? — повторила Анна Австрийская, царственным жестом протягивая над раскрытым ларчиком руку, которую годы не лишили ее чудесной красоты.— Сейчас скажу. Это два письма, единственные, которые я писала ему. А это нож, которым Фельтон убил его. Прочтите эти письма и увидите, лгу ли я.

Несмотря на полученное разрешение, Мазарини, вместо того чтобы прочесть письма, взял нож, который умирающий Бекингом выхватил из своей раны и через Лапорта переслал королеве; лезвие было все источено ржавчиной, в которую обратилась кровь. Посмотрев на него с минуту, в продолжение которой королева стала белой как полотно, он с невольной дрожью положил его обратно в ларчик.

— Хорошо, ваше величество, я верю вашей клятве.

— Нет, нет, прочтите,— сказала королева, нахмутив брови.— Прочтите. Я хочу, даже требую, чтобы вы прочли. Убедитесь до конца, чтобы больше к этому не возвращаться. Или вы думаете,— прибавила она со зловещей улыбкой,— что я стану открывать этот ларчик второй раз, когда вы будете выдвигать ваши обвинения?

Мазарини, подчиняясь ее воле, на одном дыхании прочел оба письма. В одном королева просила обратно у Бекингема бриллианты;

это было письмо, которое отвез д'Артаньян и которое поспело вовремя. Второе было послано с Лапортом; в нем королева предупредила Бекингема, что его хотят убить, и это письмо опоздало.

— Хорошо, ваше величество,— сказал Мазарини,— на это нечего сказать.

— Нет,— сказала королева, запирая ларчик и не снимая с него руки, — есть что ответить на это: я всегда была неблагодарна к людям, которые спасли меня и сделали все, что только могли, чтобы спасти его; и храброму д'Артаньяну я не пожаловала ничего, а только позволила ему поцеловать мою руку и подарила вот этот бриллиант.

Королева протянула кардиналу свою прелестную руку и показала ему чудный камень, сверкавший на пальце.

— Он продал его в тяжелую минуту,— заговорила она опять с легким смущением,— продал для того, чтобы спасти меня во второй раз — чтобы послать гонца к Бекингему и предупредить о грозящем ему убийстве.

— Значит, д'Артаньян знал об этом.

— Он знал все. Каким образом, не понимаю. Он продал перстень Дезэсару; я его увидела у него на руке и выкупила. Но этот бриллиант принадлежит д'Артаньяну; возвратите его ему от меня, ведь, на ваше счастье, подле вас находится этот человек, и постарайтесь воспользоваться случаем!

— Благодарю, ваше величество,— сказал Мазарини,— я непременно последую вашему совету.

— А теперь,— спросила королева, изнемогая от пережитого волнения,— у вас еще остались вопросы?

— Нет,— ответил кардинал своим кротким тоном.— Прошу только простить меня за несправедливое подозрение. Но я вас так люблю, что ревность моя, даже к прошлому, неувидительна.

Неясная улыбка промелькнула на губах королевы.

— Если вам не о чем больше спросить меня,— сказала она,— то оставьте меня. После такой сцены мне надо отдохнуть.

Мазарини поклонился.

— Я удаляюсь. Позвольте мне навестить вас еще?

— Да, только завтра. Мне надо прийти в себя, и одного дня для этого будет мало...

Кардинал нежно взял руку королевы, галантно поцеловал ее и

вышел.

Как только он ушел, королева прошла в комнату сына и спросила Лапорта, лег ли король.

Лапорт указал ей на спящего ребенка.

Анна Австрийская вошла на ступеньки кровати, приложила губы к нахмуренному лбу сына и поцеловала его. Потом удалилась, все так же безмолвно, сказав камердинеру:

— Постарайтесь, пожалуйста, милый Лапорт, чтобы король приветливее смотрел на кардинала. Мы с королем многим обязаны Мазарини.

V

ГАСКОНЕЦ И ИТАЛЬЯНЕЦ

Тем временем кардинал вернулся к себе в кабинет, у дверей которого по-прежнему стоял на страже Бернуин. Мазарини осведомился, нет ли каких новостей и не было ли известий из города. Затем, убедившись, что все тихо, знаком приказал слуге удалиться.

Оставшись один, он встал и отворил дверь в коридор, потом в переднюю; уставший д'Артаньян спал на скамье.

— Господин д'Артаньян! — позвал Мазарини вкрадчивым голосом.

Д'Артаньян не пошевелился.

— Господин д'Артаньян! — позвал Мазарини громче.

Д'Артаньян продолжал спать.

Кардинал подошел и коснулся его плеча.

На этот раз д'Артаньян вздрогнул, проснулся и, придя в себя, сразу вскочил на ноги, как солдат, готовый к бою.

— Я здесь. Кто меня зовет?

— Я,— сказал Мазарини с приветливой улыбкой.

— Прошу извинения, монсеньор,— сказал д'Артаньян,— устал немного...

— Можете не извиняться,— сказал Мазарини,— вы устали на моей службе...

Милостивый тон министра умилил д'Артаньяна.

«Гм...— процедил он сквозь зубы,— вот и не верь пословице, что счастье приходит во сне...»

— Следуйте за мною,— сказал Мазарини.

— Ага! — пробормотал д'Артаньян.— Рошфор сдержал слово; только куда же он, черт возьми, делся?

Он взгляделся во все закоулки кабинета, но Рошфора нигде не было.

— Господин д'Артаньян,— проговорил Мазарини, удобно располагаясь в кресле,— вы всегда казались мне храбрым и славным человеком.

«Возможно,— подумал д'Артаньян,— однако долго же он собирался сказать мне об этом».

Это тем не менее не помешало ему низко поклониться Мазарини в ответ на добрые слова.

— Так вот,— продолжал Мазарини,— я хотел бы воспользоваться вашими способностями и достоинствами.

Во взгляде офицера как молния сверкнула радость, но тотчас же погасла, поскольку он не знал еще, куда клонит Мазарини.

— Приказывайте, монсеньор,— сказал он,— я рад вам повиноваться.

— Господин д'Артаньян,— продолжал Мазарини.— В прошлое царствование вы совершили много подвигов.

— Стоит ли вспоминать?.. Правда, я сражался не без успеха...

— Я говорю не о ваших военных подвигах,— сказал Мазарини,— хотя они и создали вам славу, но превзойдены другими.

Д'Артаньян изобразил на лице изумление.

— Что же,— сказал Мазарини,— вы не отвечаете?

— Ожидаю, монсеньор, когда вы соблаговолите объяснить мне, о каких подвигах вам угодно говорить.

— Я говорю о приключении... Да не притворяйтесь, ведь вы отлично знаете, о чем я хочу сказать.

— Увы, монсеньор! — ответил в совершенном изумлении д'Артаньян.

— Вы скромны — тем лучше! Я говорю об истории с королевой, о бриллиантовых подвесках, о путешествии, которое вы совершили с тремя вашими друзьями.

«Ах вон оно что! — подумал гасконец.— Уж не ловушка ли это? Надо держать ухо востро».

И он изобразил на своем лице такое изумление, что ему позавидовали бы Мондори и Бельроз, два лучших актера того времени.

— Отлично! — проговорил, смеясь, Мазарини.— Bravo! Недаром мне сказали, что вы именно такой человек, какой мне нужен. Ну а что бы вы сделали для меня?

— Все, монсеньор, все, что вы мне прикажете,— ответил д'Артаньян.

— Сделали бы вы для меня то, что когда-то сделали для королевы?

«Положительно,— мелькнуло в голове д'Артаньяна,— он хочет заставить меня проговориться. Но мы поборемся. Не хитрее же он Ришелье, черт побери!»

— Для королевы, монсеньор? Я что-то не понимаю.

— Вы не понимаете, что мне нужны вы и ваши трое друзей?

— Какие друзья, монсеньор?

— Те, что были рядом с вами в прежние годы.

— В те годы, монсеньор,— ответил д'Артаньян,— у меня было не трое, а полсотни друзей. В двадцать лет все — друзья.

— Хорошо, хорошо, господин лейтенант,— сказал Мазарини,— скрытность — прекрасная вещь. Но сегодня вы можете пожалеть о вашей чрезмерной скрытности.

— Грек Пифагор заставлял своих учеников, монсеньор, пять лет хранить безмолвие, чтобы научить их молчать.

— А вы хранили его добрых двадцать лет. Это на пятнадцать лет больше, чем требовалось от пифагорейцев, и, думается мне, вполне достаточно. Отвечайте же немедленно, ибо сама королева освобождает вас от вашей клятвы.

— Королева? — спросил д'Артаньян с непритворным на этот раз удивлением.

— Да, да, королева! И доказательство того, что я говорю от ее имени,— этот бриллиант, который, как ей кажется, вам известен и который она выкупила у господина Дезэссара.

Мазарини протянул руку, и лейтенант вздохнул, узнав кольцо, подаренное ему королевой в день бала в городской ратуше.

— Действительно,— сказал д'Артаньян,— я узнаю этот бриллиант, он в самом деле принадлежит королеве.

— Вы видите, я говорю с вами от ее имени. Отвечайте же, не разыгрывая более комедии. Я вам уже сказал и снова повторяю — дело идет о вашей карьере.

— В самом деле, монсеньор. Мне совершенно необходимо сделать карьеру. Вы так давно не вспоминали обо мне!

— Довольно недели, чтобы наверстать потерянное. Итак, вы-то сами здесь, а где ваши друзья?

— Понятия не имею, монсеньор.

— Как не знаете?

— Не знаю; мы давно расстались, поскольку все трое покинули военную службу.

— Но где вы их тогда найдете?

— Там, где они окажутся. Это уж мое дело.

— Хорошо. Ваши условия?

— Денег, монсеньор, денег столько, сколько потребуется на наше предприятие. Я слишком хорошо помню, какие препятствия возникали

иной раз перед нами из-за отсутствия денег, и не будь этого бриллианта, который я был вынужден продать, мы застряли бы в пути.

— Черт возьми! Денег! — сказал Мазарини. — Вот чего вы захотели, господин офицер! А знаете ли вы, что денег в королевской казне нет?

— Тогда сделайте, как я, монсеньор, — продайте драгоценности; но, поверьте мне, не стоит торговаться, большие дела не делаются с малыми средствами.

— Хорошо, — сказал Мазарини, — мы постараемся удовлетворить вашу просьбу.

«Ришелье, — подумал д'Артаньян, — дал бы мне пятьсот пистолей задатку».

— Итак, вы поступаете ко мне на службу?

— Да, если мои друзья на то согласятся.

— Но если откажутся, могу я рассчитывать на вас?

— В одиночку я еще никогда ничего не делал путного, — сказал д'Артаньян, тряхнув головой.

— Так разыщите их.

— Что мне сказать им, чтоб склонить к службе вашему преосвященству?

— Вы их знаете лучше меня. Пообещайте в зависимости от их характера.

— Что мне пообещать?

— Что если они послужат мне так, как служили королеве, то моя благодарность будет безмерна.

— Что же мы будем делать?

— Да все что угодно, потому что вы, по-видимому, способны на все.

— Монсеньор, когда людям доверяют, их ставят в известность обо всем лучше, чем это делает ваше преосвященство.

— Когда наступит время действовать, будьте покойны, — прервал Мазарини, — вы будете знать даже мои мысли.

— А до тех пор?

— Ждите и разыскивайте ваших друзей.

— Монсеньор, их, может быть, нет в Париже, это даже весьма вероятно. Мне придется много ездить. Я всего только бедный мушкетерский лейтенант, а путешествия стоят дорого.

— В мои намерения не входит, — сказал Мазарини, — чтобы вы появлялись с большой пышностью, планы мои окружены тайной и

только пострадают от лишних любопытных ушей.

— И все же, монсеньор, я не могу путешествовать на свое жалованье, ибо мне задолжали за целых три месяца; а на то, что я отложил, я не могу жить, потому что за двадцать два года службы я откладывал только долги.

Мазарини задумался, видно было, что в нем происходит сильная борьба; потом, подойдя к шкафу с тройным замком, он вынул оттуда мешочек и взвесил его на руке два-три раза, прежде чем передать д'Артаньяну.

— Возьмите,— сказал он со вздохом,— это на путешествие.

«Если это испанские дублоны или хотя бы золотые экю,— подумал д'Артаньян,— то с тобой можно иметь дело».

Он поклонился кардиналу и опустил мешок в свой широкий карман.

— Итак, решено,— продолжал кардинал,— вы едете...

— Да, монсеньор.

— Пишите мне каждый день, чтобы я знал, как идут ваши переговоры.

— Непременно, монсеньор.

— Отлично. Кстати, как зовут ваших друзей?

— Что вы сказали? — переспросил д'Артаньян все еще с тревогой.

— Пока вы ищете, я наведу справки со своей стороны и, может быть, кое-что узнаю.

— Граф де Ла Фер, иначе Атос; господин дю Валлон, или Портос, и кавалер д'Эрбле — теперь аббат Эрбле, иначе Арамис.

Кардинал улыбнулся.

— Младшие отпрыски древних родов,— сказал он,— поступили в мушкетеры под вымышленными именами, чтобы не компрометировать свои семьи. Длинная шпага и пустой кошелек — нам это знакомо.

— Если, бог даст, эти шпаги послужат вам, монсеньор,— отвечал д'Артаньян,— то осмелюсь пожелать, чтобы кошелек вашего преосвященства стал полегче, а их потяжелел, потому что с этими тремя людьми и со мной в придачу, ваше преосвященство, если вам будет угодно, вы перевернете вверх дном всю Францию и даже Европу.

— Однако гасконцы по хвастовству могут потягаться с итальянцами,— сказал, смеясь, Мазарини.

— Во всяком случае,— парировал д'Артаньян, тоже улыбаясь,— они победят их в бою на шпагах.

И он вышел, договорившись об отпуске, который сейчас же был ему дан и подписан самим Мазарини.

Едва очутившись во дворе, он подошел к фонарю и заглянул в мешок.

— Серебро! — презрительно пробормотал он.— Так я и думал. Ах, Мазарини, Мазарини, ты мне не доверяешь — тем хуже для тебя, сам себе все портишь!

А тем временем кардинал потирал руки от удовольствия.

— Сто пистолей,— пробормотал он,— сто пистолей. За сотню пистолей я владею тайной, за которую Ришелье заплатил бы двадцать тысяч экю. Не считая этого бриллианта,— прибавил он, бросая нежные взгляды на перстень, который оставил у себя, вместо того чтобы отдать д'Артаньяну,— не считая этого бриллианта, который стоит самое меньшее десять тысяч ливров.

И кардинал прошел в свою комнату, чрезвычайно довольный вечером, который принес ему такой отличный барыш; уложил перстень в ларец, наполненный бриллиантами всех сортов, потому что Мазарини имел слабость к драгоценным камням, и позвал Бернуина, чтобы тот раздел его, не помышляя больше о криках на улице, от которых дрожали стекла в окнах, и о ружейных выстрелах, все еще гремевших в Париже. Было уже около полуночи.

Д'Артаньян в это время шел к Тиктонской улице, где поселился в гостинице «Козочка».

Теперь поговорим о том, каким образом д'Артаньян остановил свой выбор на этом жилище.

VI

Д'АРТАНЬЯН В СОРОК ЛЕТ

С тех пор как мы в нашем романе «Три мушкетера» расстались с д'Артаньяном на улице Могильщиков, дом номер 12, произошло много событий, а главное — увы — прошло много лет.

Не то чтобы д'Артаньян не умел пользоваться обстоятельствами, но сами обстоятельства сложились уж очень невыгодно для д'Артаньяна. Пока кругом были друзья, он оставался молод и весел; это была одна из тех тонких, впечатлительных натур, которые легко перенимают качества других людей. Атос заражал его своим гордым достоинством, Портос — пылкостью, Арамис — изяществом. Если бы д'Артаньян продолжал дружить с этими тремя людьми, он сделался бы выдающимся человеком. Атос первый его покинул, удалившись в свое маленькое поместье близ Блуа, доставшееся ему в наследство; вторым ушел Портос, женившийся на своей прокурорше; последним оставил его Арамис, чтобы уйти в монастырь и сделаться аббатом. С этих пор д'Артаньян, всегда представлявший себе свою жизнь нераздельной с будущим трех приятелей, остался в одиночестве и не нашел в себе смелости продолжать карьеру, в которой, он чувствовал, мог достичь чего-либо только при условии, если каждый из друзей уступит ему, если можно так выразиться, частицу электрических флюидов, данных им небом.

Так, произведенный в лейтенанты, д'Артаньян стал еще более одиноким. Он не был таким аристократом, как Атос, чтобы перед ним могли открыться двери знатных домов; он не был так тщеславен, как Портос, чтобы уверять других, что вращается в высшем обществе; не был так благороден и тонок, как Арамис, чтобы постоянно пребывать в своем природном изяществе, черпая его в себе самом. Какое-то время пленительные воспоминания о госпоже Бонасье налагали на ум молодого человека отпечаток некоторой поэзии; но как и все в этом мире, это тленное воспоминание мало-помалу изгладилось — ведь гарнизонная жизнь роковым образом влияет даже на крепких людей. Из двух противоположностей, образующих личность д'Артаньяна, материальное начало мало-помалу возобладало, и потихоньку, незаметно для себя д'Артаньян, бывший постоянно в казарме, в лагере,

постоянно на коне, стал (не знаю, как это называлось в ту пору) тем, что в наше время называется старым служакой. Но он не потерял от этого природной остроты ума. Напротив, эта острота ума, может быть, даже усилилась или, по крайней мере, казалась еще заметней из-за грубоватой ее оболочки. Но он направил ее не на возвышенное, а на самое малое в жизни — именно на материальное благосостояние, притом еще на солдатский манер, иначе говоря, хотел иметь лишь хорошие жилище, стол и хозяйку.

И требуемое д'Артаньян нашел уже шесть лет тому назад на Тиктонской улице, в гостинице под вывеской «Козочка».

С первых же дней его жизни в этой гостинице хозяйка ее, красивая, свежая фламандка, лет двадцати пяти или шести, влюбилась в него не на шутку, и после легкого романа, которому сильно мешал непокладистый муж (хоть д'Артаньян и собирался на словах десять раз проткнуть его насквозь шпагой), в одно прекрасное утро этот муж исчез, продав потихоньку несколько бочек вина и унеся с собой деньги и драгоценности. Все думали, что он умер, а в особенности настаивала на том, что он ушел из этого мира, его жена, которой очень подходила тогда мысль считаться вдовой. Наконец, после трех лет совместной жизни, которую д'Артаньян не собирался прерывать, найдя с каждым годом все больше достоинств в своем жилище и особенно в хозяйке, благо последняя предоставляла ему жилье в долг, хозяйка эта возымела вдруг чудовищную претензию стать его женой и предложила д'Артаньяну на ней жениться.

— Ну, уж нет! — ответил ей д'Артаньян.— Двоемужество, милая? Это невозможно!

— Но он умер, я почти уверена.

— Он был очень неподатливый малый и вернется, чтобы отправить нас на виселицу.

— Ну, что ж, если он вернется, вы его убьете; вы такой храбрый и ловкий.

— Ого, голубушка! А это другой способ попасть на виселицу!

— Значит, вы отвергаете мою просьбу?

— Иначе и быть не может.

Несчастливая трактирщица была в отчаянии. Она охотно сделала бы д'Артаньяна не только своим мужем, но и богом: он был такой бравый мужчина и такой славный вояка!

На четвертом году случился поход в Франш-Конте. Д'Артаньян был назначен тоже и стал готовиться в путь. Тут начались великие страдания, неутешные слезы, торжественные клятвы в верности со стороны хозяйки. Д'Артаньян был слишком добр, чтобы остаться безответным к мольбам, и потому обещал сделать все возможное, чтобы умножить славу своего имени.

О храбрости д'Артаньяна мы слышаны давно. Он за нее и поплатился: идя в атаку во главе своей роты, он был ранен в грудь налетом пуль, уложившей его на поле сражения. Видели только, как он упал с лошади, но не видели, как поднялся, и решили, что лейтенант убит, а те, кто надеялся занять его место, на всякий случай уверяли, что он убит в самом деле. Легко верится тому, во что хочешь поверить, особенно в армии, где дивизионные генералы желают смерти главнокомандующему, а солдаты желают гибели капралам... Всякий желает чьей-нибудь смерти.

Однако д'Артаньян был не такой человек, чтобы дать себя убить так просто. Прележав полдня без памяти на поле сражения, он пришел в себя от ночной прохлады и добрался кое-как до деревни, постучался в двери первого попавшегося дома и был принят, как всегда и всюду принимают даже раненых французов: его окружили нежной заботливостью и вылечили. Еще в лучшем здравии, чем раньше, он отправился в одно прекрасное утро во Францию, а потом в Париж, а как только попал в Париж, устремился напрямик на Тиктонскую улицу.

Но комнату свою д'Артаньян нашел занятой чемоданом и другими мужскими принадлежностями; шпага была прислонена к стене.

«Он возвратился — подумал он. — Тем хуже — или лучше».

Само собой разумеется, что д'Артаньян думал только о муже.

Он навел справки: в доме новый лакей и новая служанка, хозяйка ушла на прогулку.

— Одна? — спросил д'Артаньян.

— С хозяином.

— Так хозяин вернулся?

— Конечно, — простодушно ответила служанка.

«Будь у меня деньги, — подумал д'Артаньян, — я бы ушел; но у меня их нет, нужно остаться и последовать совету моей хозяйки: разрушить брачные намерения этого назойливого обитателя страны теней».

Он еще думал о свершившейся неприятности, что доказывает, что в

важных случаях жизни внутренний монолог — вещь самая естественная, когда дежурившая у дверей служанка внезапно возвестила:

— А вот и хозяйка возвращается с хозяином!

Д'Артаньян выглянул тоже и увидел вдали, на углу Монмартрской улицы, свою женушку, которая шествовала, опираясь на руку огромного швейцарца, шагавшего развалистой походкой, приятно напоминавшей Портоса его старому другу.

«Это и есть хозяин? — сказал про себя д'Артаньян.— Он, по-моему, значительно попрос».

И он уселся в зале на самом видном месте. Хозяйка, войдя, сразу увидела д'Артаньяна и вскрикнула.

Из этого д'Артаньян заключил, что она его узнала, поднялся, поспешно подошел к ней и нежно поцеловал.

Швейцарец с недоумением смотрел на бледную как полотно хозяйку.

— Ах! Это вы, сударь! Что вам угодно? — спросила она в величайшем волнении.

— Этот господин ваш двоюродный брат или родственник? — спросил д'Артаньян, разыгрывая роль без малейшего смущения.

И, не дожидаясь ответа, бросился обнимать швейцарца, который встретил его весьма холодно.

— Кто этот человек? — спросил он у опешившей женщины.

Хозяйка вместо ответа лишь всхлипывала.

— Кто этот швейцарец? — в свою очередь задал вопрос д'Артаньян.

— Этот господин хочет на мне жениться,— промямлила хозяйка.

— Так ваш муж, наконец, умер?

— А вам какое дело? — вмешался швейцарец с сильным акцентом.

— Мне до этого большое дело,— ответил д'Артаньян, передразнивая его,— потому что вы не можете жениться без моего согласия, а я...

— А вы? — спросил швейцарец.

— А я этого согласия никогда не дам,— сказал мушкетер.

Швейцарец покраснел как маков цвет. На нем был красивый мундир с золотым шитьем, а д'Артаньян был закутан в какой-то серый плащ; швейцарец был могучего роста и телосложения, а д'Артаньян невысок. Швейцарец чувствовал себя дома, и гасконец представлялся ему

незванным гостем.

— Уберетесь вы отсюда наконец? — крикнул швейцарец, сильно топнув ногой, с видом человека, который серьезно начинает сердиться.

— Я? Как бы не так! — возразил д'Артаньян.

— Может, позвать кого-нибудь? — вмешался слуга, который не мог понять, как это такой маленький человек поднял голос на такого большого.

— Эй, ты! — крикнул д'Артаньян, хватая парня за ухо.— Стой на месте и не шевелись, не то я тебе уши оборву. А что до вас, блистательный потомок Вильгельма Телля, то вы сейчас же увяжете в узелок ваши вещички, которые не дают мне прохода в комнате, и живо отправитесь искать себе квартиру в другой гостинице.

Швейцарец громко расхохотался.

— Мне — уходить? — сказал он.— Это почему?

— Ага! — отозвался д'Артаньян.— Я вижу, вы понимаете по-французски. Тогда пойдемте пройдемся. Я вам все растолкую.

Хозяйка, знавшая д'Артаньяна, принялась плакать и рвать на себе волосы.

Д'Артаньян обернулся к заплаканной хозяйке.

— Тогда выгоните его сами, сударыня,— сказал он.

— Ба! — ответил швейцарец, который не сразу уразумел предложение, которое ему сделал д'Артаньян.— Ба! Да кто вы такой, чтоб предлагать мне идти с вами гулять?

— Я лейтенант королевских мушкетеров,— сказал д'Артаньян,— и значит, гораздо выше вас по званию. Но поскольку дело тут не в чинах, а в праве на постой, то обычай вам известен; идите за своим предписанием — кто первый вернется, за тем и будет жилье.

Д'Артаньян увел швейцарца, несмотря на вопли хозяйки, в сердце которой, в сущности, нашлось бы место и для второго любовника; но она была бы не прочь и проучить этого гордеца-мушкетера, оскорбившего ее в свое время своим отказом жениться.

Противники направились прямо к монмартрскому рву. Когда они пришли, уже стемнело; д'Артаньян вежливо попросил швейцарца уступить ему комнату и больше не возвращаться; тот покачал головой и обнажил шпагу.

— Тогда вы будете ночевать здесь,— сказал д'Артаньян.— Это скверный ночлег, но я не виноват — вы сами захотели.

При этих словах он тоже вынул шпагу и скрестил ее с оружием противника.

Ему достался неслабый противник, но ловкость одолевает любую силу. Шпага швейцарца никак не могла скреститься с мушкетерской. Тот был дважды ранен, но из-за холода даже не сразу заметил это; тем не менее потеря крови и вызванная ею слабость внезапно вынудили его опуститься на землю.

— Ну, что я вам говорил? — сказал д'Артаньян.— Вот вы и получили, голова садовая. Радуйтесь еще, что отделаетесь двумя неделями, не больше. Оставайтесь тут, я сейчас пришло с лакеем ваши вещи. Прощайте. Кстати, советую поселиться на улице Монторгейль, в «Кошке с клубком», в ней отлично готовят, если только там еще прежняя хозяйка.

В самом благодушном настроении он вернулся домой и действительно послал слугу отнести пожитки швейцарцу, которого тот нашел на том же месте — он еще не пришел в себя от нахальства противника.

Слуга, хозяйка и весь дом преисполнились к д'Артаньяну таким благоговейным уважением, с каким отнеслись бы разве только к Гераклу, если бы он опять явился на землю для совершения своих двенадцати подвигов.

Но, оставшись наедине с хозяйкой, д'Артаньян сказал ей:

— А теперь, милая Мадлен, вам известны отличия швейцарца от мушкетера. Что касается вас, то вы вели себя как простая трактирщица. Тем хуже для вас, так как благодаря такому поведению вы теряете мое уважение и — своего постояльца. Я прогнал швейцарца, чтобы проучить вас, но жить я здесь не буду; я не квартирую у тех, кто мне не по душе. Эй, малый, отнеси мой чемодан в «Бочку Амура» на улицу Бурдоне. Прощайте, сударыня.

Произнося эти слова, д'Артаньян с важным видом собрался уходить. Хозяйка бросилась к его ногам, просила прощения и, конечно же, удержала. Можно ли устоять от таких ласк? Вертел крутился, печь трещала, прекрасная Мадлен рыдала; д'Артаньян вдруг сразу почувствовал голод и холод и желание любви; он простил, а простив, остался.

Вот каким образом и жил лейтенант мушкетеров на Тиктонской улице в гостинице «Козочка».

VII

Д'АРТАНЬЯНУ В ЗАТРУДНИТЕЛЬНОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ ОДИН ИЗ НАШИХ СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

Итак, д'Артаньян в раздумьях шел домой, с удовольствием ощупывая кошелек кардинала Мазарини и мечтая о прекрасном бриллианте, который принадлежал ему и который на миг сверкнул перед ним на пальце первого министра.

«Если бы этот бриллиант когда-нибудь снова попался мне в руки,— думал он,— я тотчас бы превратил его в деньги, купил бы маленькое поместье возле отцовского замка; это очень приятное место, но, к несчастью, из всех угодий там есть лишь сад размером не больше кладбища Избиенных младенцев. Я бы не спеша дожидался, пока какая-нибудь богатая наследница, соблазненная моей персоной, не предложит мне заключить с ней брак; потом у меня появились бы три мальчугана: из первого я сделал бы важного барина навроде Атоса, из второго — храброго солдата типа Портоса, а из третьего — изящного аббата наподобие Арамиса. Право же, я вполне заслужил такую жизнь; но, на мою беду, Мазарини жадина, каких поискать, который не расстанется с этим бриллиантом ради меня».

Что сказал бы д'Артаньян, если бы знал, что королева вручила Мазарини бриллиант, чтобы передать ему?

Выйдя на Тиктонскую улицу, он застал там большое волнение; множество народу столпилось возле его дома.

«Ого,— подумал он,— уж не пожар ли в гостинице „Козочка” или не вернулся ли впрямь муж прекрасной Мадлен?»

Оказалось, ни то ни другое; подойдя поближе, д'Артаньян увидел, что толпа собралась не перед его домом, а перед соседним. Слышались крики, люди бегали с факелами, и при свете этих факелов д'Артаньян явно разглядел мундиры.

Он осведомился, в чем дело.

Ему ответили, что один горожанин с дюжиной разбойников напал на карету, ехавшую под конвоем кардинальской гвардии, но подоспело подкрепление и разогнало нападавших. Их предводитель спрятался в

соседнем доме, и теперь этот дом обыскивают.

Лет двадцать назад д'Артаньян непременно бросился бы туда, где были солдаты, и стал бы помогать им, но этот пыл давно уже остыл в нем; к тому же у него в кармане было сто пистолей, полученных от кардинала, и он не хотел рисковать, смешавшись с толпой.

Он вошел в свою гостиницу без дальнейших расспросов. Бывало, д'Артаньян всегда желал все знать; теперь он всякий раз считал, что уже достаточно.

Он вошел к прекрасной Мадлен, которая его не ожидала, поскольку д'Артаньян сказал ей, что проведет ночь в Лувре; поэтому она была весьма благодарна ему за этот неожиданный визит, который пришелся особенно кстати: красотка очень боялась происходящего на улице, и теперь уже не было швейцарца для защиты.

Она было завязала с ним разговор, пытаясь рассказать обо всем случившемся; но д'Артаньян велел подать ужин к себе в комнату и принести туда бутылку старого бургундского.

Очаровашка Мадлен была вышколена у него по-военному, иначе говоря, слушалась одного его жеста, а так как д'Артаньян на этот раз соблаговолит еще и говорить, то все было исполнено вдвое скорее.

Д'Артаньян взял ключ и свечу и поднялся в свою комнату; чтобы не сокращать доходов хозяйки, он довольствовался комнаткой на пятом этаже. Из уважения к истине мы должны заметить, что комната эта помещалась непосредственно под крышей, рядом с водосточным желобом.

Д'Артаньян запирался в этой комнате, как в «ахиллесовом шатре», когда хотел наказать прекрасную Мадлен своим невниманием и холодностью.

Прежде всего он спрятал в старый шкафчик с новым крепким замком свой мешочек, содержимое которого ему не нужно было пересчитывать, чтобы узнать сумму; потом, через минуту, когда ему подали ужин и бутылку вина, он отпустил слугу, запер дверь и сел за стол.

Все это было сделано д'Артаньяном, понятно, не для того, чтобы предаться размышлениям, а просто потому, что он справедливо считал, что, только делая все по очереди, можно делать дела хорошо. Он был голоден и с аппетитом поужинал, потом лег спать.

Лейтенант был также не из тех людей, которые считают, что ночь —

добрая советчица: в темное время суток д'Артаньян спал. Напротив, именно по утрам он бывал бодр и находил лучшие решения. Размышлять по утрам он уже давно не имел повода, но ночью он спал всегда.

На рассвете он проснулся, живо, по-военному вскочил с постели и зашагал по комнате, соображая: «В сорок третьем году, за полгода примерно до смерти кардинала, я получил письмо от Атоса. Где это было, дай бог памяти?.. Ах, да, при осаде Безансона. Помню, я еще сидел в траншее. Что же он мне писал? Что поселился в маленьком поместье? Да, именно так, в маленьком поместье. Я как раз дочитал до этого места, когда порыв ветра вырвал у меня письмо. В былое время я бросился бы за ним, хотя ветер уносил его прямо в поле. Но молодость — большой недостаток... для того, кто уже немолод. Я пустил мое письмо по ветру к испанцам, которым адрес Атоса был без всякой пользы, так что они, мерзавцы, могли бы прислать мне письмо обратно. Итак, бросим думать об Атосе. Перейдем к Портосу... Я получил от него письмо: он приглашал меня на большую охоту в своих поместьях в сентябре сорок шестого года. К сожалению, поскольку я был тогда в Беарне по случаю смерти отца, то письмо было отослано туда, но я уже убыл, когда оно пришло. Тогда оно отправилось по моим следам и чуть не нагнало меня в Монмеди, опоздав всего на несколько дней. Наконец оно попало в мои руки в апреле; но раз письмо дошло до меня только в апреле сорок седьмого, а приглашение в нем было на сентябрь сорок шестого, то я, само собой, не мог им воспользоваться. Надо отыскать это письмо, оно должно лежать вместе с моими бумагами на имение».

Д'Артаньян открыл старый, стоявший в углу комнаты сундучок, наполненный пергаментами, относившимися к землям д'Артаньянов, которые двести лет назад вышли из их владения, и вскрикнул от радости. Он узнал почерк Портоса, а под ним несколько строчек каракулями, начертанных сухой рукой его достойной супруги.

Д'Артаньян не стал тратить времени попусту, перечитывая письмо, содержание которого он знал, а прямо обратился к адресу.

Адрес был такой: «Замок дю Валлон».

Портос забыл дать более точные указания. В своем высокомерии он думал, что весь свет должен знать замок, которому он дал свое имя.

— Проклятый хвостун! — воскликнул д'Артаньян. — Он не меняется! А мне именно с него и следовало бы начать — ввиду того, что

он не нуждается в деньгах, унаследовав от Кокнара восемьсот тысяч ливров. Эх, самого-то лучшего у меня и не будет! Атос так пил, что, наверное, совсем отупел. Что же касается Арамиса, то он, конечно, занят своими благочестивыми делами.

Д'Артаньян еще раз взглянул на письмо. В нем была приписка, в которой значилось следующее:

«С этой же почтой пишу нашему достойному другу Арамису в его монастырь».

— Интересно. Но какой монастырь? Их двести в одном Париже. И три тысячи во Франции. К тому же не исключено, что он, поступая в монастырь, в третий раз изменил свое имя. Ах, если бы я был силен в богословии, если б мог только вспомнить тему диссертации, которую он так рьяно обсуждал в Кревкере с кюре из Мондидье и иезуитским настоятелем, я бы уж смекнул, какой доктрине он отдает предпочтение, и вывел бы отсюда, какому именно святому он мог себя посвятить. А не пойти ли мне к кардиналу и не спросить ли у него пропуск во всевозможные монастыри, даже женские? Это действительно мысль, и, может быть, там-то я и найду его, как Ахилла... Да, но это значит сразу признаться в своем бессилии и с первого шага уронить себя в глазах кардинала. Богатые сановники бывают довольны, только когда ради них делают невозможное. «Если бы это было возможно,— говорят они нам,— я бы и сам это сделал». И сановники правы! Но подождем и посмотрим. От него ведь я тоже получил письмо, от милого друга, и он даже просил меня оказать ему какую-то услугу, что я и выполнил. Однако куда же я девал это письмо?

Подумав немного, д'Артаньян подошел к вешалке, где висело его старое платье, и стал искать свою куртку сорок восьмого года, а поскольку он был аккуратным человеком, то нашел ее там, где повесил — на своем крючке. Порывшись в карманах, он вытащил оттуда бумажку; это было письмо Арамиса.

«Господин д'Артаньян,— писал Арамис,— извещаю вас, что я поссорился с одним дворянином, который назначил поединок сегодня вечером на Королевской площади; так как я — духовное лицо и это дело может повредить мне, если я сообщу о нем кому-нибудь другому, а не такому верному другу, как вы, то прошу вас быть моим секундантом.

Войдите на площадь с новой улицы Св. Екатерины и под вторым фонарем направо встретите вашего противника. Я с моим буду под

третьим.

Ваш Арамис».

На этот раз даже не было прибавлено «до свидания». Д'Артаньян постарался припомнить: он отправился на поединок, встретил там указанного противника, имени которого он так потом и не узнал, ловко проткнул ему шпагой руку и подошел к Арамису, который, окончив уже свое дело, вышел к нему навстречу из-под третьего фонаря.

— Готово,— проговорил Арамис.— Кажется, я убил наглеца. Но, милый друг, если я вам понадобится, знайте — я вам всецело предан.

И, пожав ему руку, Арамис исчез.

Д'Артаньян знал теперь столько же о местопребывании Арамиса, сколько и о том, где находятся Атос и Портос, и дело начало представляться ему весьма затруднительным, как вдруг в его комнате послышался звук разбитого стекла.

Он сейчас же вспомнил о своем мешке в шкафчике и бросился вон из кабинета. Д'Артаньян ошибся: в ту минуту, как он входил в комнату, какой-то человек влезал в окно.

— Ах, негодяй! — закричал д'Артаньян, приняв его за вора и хватаясь за шпагу.

— Сударь! — взмолился этот человек.— Ради бога, вложите шпагу в ножны и не убивайте меня, не выслушав. Я не вор. Я честный и зажиточный буржуа, у меня собственный дом. Меня зовут... Ай! Быть не может! Я не ошибаюсь, вы ведь господин д'Артаньян!

— Это ты, Планше! — вскричал лейтенант.

— К вашим услугам,— ответил Планше, ухмыляясь,— если только я еще способен на них.

— Может быть,— сказал д'Артаньян.— Но какого черта ты лазишь в семь часов утра по крышам, да еще в январе?

— Сударь,— пробормотал Планше,— да будет вам известно... хотя, в сущности, вам, пожалуй, не должно быть известно...

— Что ты там говоришь? — переспросил д'Артаньян.— Но сперва занавесь окно полотенцем и задерни шторы.

Планше повиновался.

— Ну, говори же! — нетерпеливо сказал д'Артаньян, когда тот исполнил приказание.

— Сударь...— спросил осторожный Планше,— в каких вы

отношениях с господином де Рошфором?

— С Рошфором? В превосходных! Ну еще бы! Да знаешь ли ты, что он теперь один из моих лучших друзей?

— А! Ну тогда тем лучше!

— Но что общего имеет Рошфор с подобным способом входить в комнату?

— Видите ли, сударь... Прежде всего, да будет вам известно, что господин де Рошфор в...

Планше замялся.

— Черт возьми,— сказал д'Артаньян,— я отлично знаю, что он в Бастилии.

— То есть он был там,— ответил Планше.

— Как так был? — вскричал д'Артаньян.— Неужели ему посчастливилось бежать?

— Но, сударь! — вскричал, в свою очередь, Планше.— Если это, по-вашему, счастье, значит, все обстоит благополучно. В таком случае нужно вам сказать, что вчера, по-видимому, за господином де Рошфором присылали в Бастилию...

— Черт! Я это отлично знаю, потому что сам ездил за ним.

— Но, на его счастье, не вы отвозили его обратно; потому что, если бы я узнал вас среди конвойных, то поверьте, сударь, что слишком уважаю вас, чтобы...

— Да кончай же, скотина! Что такое случилось?

— А вот что. Случилось то, что на Скобяной улице, когда карета Рошфора пробиралась сквозь толпу народа и конвойные разгоняли граждан, поднялся ропот, арестант подумал, что настал удобный момент, назвал себя и позвал на помощь. Я был тут же; я узнал имя графа де Рошфора, вспомнил, что он сделал меня сержантом Пьемонтского полка, и сказал громко, что этот узник — друг герцога Бофора. Тут все набросились разом, остановили лошадей, опрокинули конвойных. Я между тем отворил дверцу, Рошфор выскочил из кареты и скрылся в толпе. К несчастью, в эту минуту проходил патруль; он присоединился к конвойным и принялся в нас стрелять. Я отступил в Тиктонскую улицу, они за мной, я вбежал в соседний дом, его оцепили, обыскали, но напрасно — я нашел на пятом этаже одну сочувствующую особу, которая спрятала меня под двумя матрацами. Я всю ночь оставался в своем тайнике или как это там назвать, и, подумав, что

скоро могут возобновить поиски, на рассвете спустился по водосточной трубе, чтобы отыскать сначала вход, а потом выход в каком-нибудь доме, который не оцеплен. Вот моя история, и, честное слово, сударь, я буду в отчаянии, если она вам окажется не по вкусу.

— Нет, напротив.— ответил д'Артаньян.— Право же, я очень рад, что Рошфор на свободе. Но знаешь ли ты, что, попадись ты теперь в руки королевских солдат, тебя сразу же повесят?

— Как не знать? Черт возьми! — сказал Планше.— Это меня даже очень беспокоит, и вот почему я так обрадовался, что наткнулся на вас, ведь если вы захотите меня спрятать, то никто этого не сделает лучше господина д'Артаньяна.

— Да,— просто сказал лейтенант.— Я вовсе не против, хотя и рискую ни больше ни меньше, как моим чином, если только дознаются, что я укрываю мятежника.

— Ах, сударь, вы же знаете, что я рискнул бы для вас жизнью...

— Ты можешь даже добавить, что рисковал ею, Планше. Я забываю только то, что хочу забыть. Ну а об этом я всегда помню. Садись же и ешь спокойно; я вижу, ты не без интереса поглядываешь на остатки моего ужина.

— Да, сударь, буфет соседки был пуст, и я с полудня съел всего лишь кусок хлеба с вареньем. Хоть я и не пренебрегаю сладостями, когда они подаются вовремя и к месту, но все же нашел ужин чересчур легким.

— Бедняга! — сказал д'Артаньян.— Ну, так вот тебе, отъедайся. Все, что на столе,— твое.

— Ах, сударь, вы мне вторично спасаете жизнь.

Планше уселся за стол и принялся уписывать за обе щеки, как в доброе старое время на улице Могильщиков.

А д'Артаньян тем временем прохаживался взад и вперед по комнате, придумывая, какую бы пользу можно извлечь из Планше в данных обстоятельствах. Тем временем тот добросовестно трудился, чтобы наверстать упущенное время.

Наконец он удовлетворенно вздохнул, как полуголодный человек, который показывает, что, заложив прочный фундамент, собирается сделать маленькую передышку.

— Ну,— сказал д'Артаньян, полагавший, что настало время приступить к допросу,— начнем по порядку: известно ли тебе, где

Атос?

— Нет, сударь,— ответил Планше.

— Черт! Знаешь ли ты, где Портос?

— Тоже нет.

— Черт! Черт! А Арамис?

— Ни малейшего понятия.

— Черт! Черт! Черт!

— Но,— сказал Планше лукаво,— мне известно, где находится

Базен.

— Как! Ты знаешь, где Базен?

— Да, сударь.

— Где же он?

— В соборе Богоматери.

— А что он делает в соборе Богоматери?

— Он там причетник.

— Базен — причетник в соборе Богоматери! Ты в этом уверен?

— Вполне уверен. Я его сам видел и говорил с ним.

Д'Артаньян с минуту размышлял, потом взял плащ и шляпу и устремился к двери.

— Сударь,— жалобно сказал Планше,— неужели вы меня так и покинете? А ведь мне больше не на кого надеяться.

— Но здесь не станут тебя искать,— сказал д'Артаньян.

— А если сюда кто войдет? — сказал осторожный Планше.— Никто не видел, как я вошел, и ваши домашние примут меня за вора.

— Это правда,— сказал д'Артаньян.— Слушай, знаешь ты какое-нибудь провинциальное наречие?

— Более того, сударь, я знаю целый язык,— сказал Планше,— я говорю по-фламандски.

— Где ты, черт возьми, выучился ему?

— В Артуа, где я сражался два года. Слушайте: Goeden morgen, mijnheer! Ik ben begeerig te weeten de gezondheidsomstand.

— Что это значит?

— Добрый день, сударь, позвольте осведомиться о состоянии вашего здоровья.

— И это ты называешь языком! — сказал д'Артаньян.— Но все равно, очень кстати.

Он подошел к двери, кликнул слугу и приказал позвать к нему

прекрасную Мадлен.

— Что вы делаете, сударь,— вскричал Планше,— вы хотите доверить тайну женщине!

— Будь покоен, эта не проговорится.

Тут явилась хозяйка. Она вбежала с радостным лицом, надеясь застать д'Артаньяна одного, но, заметив Планше, с удивлением отступила.

— Милая хозяйюшка,— сказал д'Артаньян,— рекомендую вам вашего брата, только что приехавшего из Фландрии; я его беру к себе на несколько дней на службу.

— Моего брата! — сказала ошеломленная хозяйка.

— Поздоровайтесь же со своей сестрой, мастер Петер.

— *Vilkom, zuster!*^[3] — сказал Планше.

— *Coeden dag, broer!*^[4] — ответила удивленная хозяйка.

— Дело вот в чем,— сказал д'Артаньян,— этот человек ваш брат, которого вы, может быть, и не знаете, но зато я знаю; он приехал из Амстердама; я сейчас уйду, а вы должны его одеть; когда я вернусь, примерно через час, вы мне его представите, и по вашей рекомендации, хотя он не знает ни слова по-французски, я возьму его к себе в услужение, так как ни в чем не могу вам отказать. Понимаете?

— Я догадываюсь, чего вы желаете, и этого с меня достаточно,— ответила Мадлен.

— Вы чудная женщина, хозяйюшка, и я полагаюсь на вас.

И, подмигнув Планше, д'Артаньян отправился в собор Богоматери.

VIII

О ТОМ, КАК ПО-РАЗНОМУ ДЕЙСТВУЕТ ПОЛУПИСТОЛЬ НА ПРИЧЕТНИКА И НА СЛУЖКУ

Д'Артаньян шел по Новому мосту и радовался, что снова нашел Планше. И в самом деле, оказывая услугу доброму малому, он сам получал гораздо больше. В самом деле, ничто не могло быть ему нужнее в эту минуту, как иметь в своем распоряжении храброго и сметливого слугу. Правда, скорее всего Планше недолго пробудет у него в услужении; но, вернувшись к своим делам на Ломбардской улице, Планше будет считать себя обязанным д'Артаньяну, который, спрятав его у себя, спас ему жизнь, а д'Артаньяну, в свою очередь, было очень на руку иметь связи в среде горожан в то время, когда они собирались начать борьбу с двором. У него будет свой человек во вражеском лагере, а для такого предприимчивого человека, как д'Артаньян, всякая мелочь имеет большое значение.

С такими мыслями, весьма довольный судьбой и самим собой, д'Артаньян подошел к собору Богоматери.

Он поднялся на паперть, вошел в храм и спросил у ключаря, подметавшего часовню, не знает ли он господина Базена.

— Базена-причетника? — спросил ключарь.

— Его самого.

— Вон он прислуживает за обедней, в часовне Богородицы.

Сердце д'Артаньяна забилося сильнее. Несмотря на слова Планше, ему не верилось, что он найдет Базена; но теперь, поймав один конец нити, он мог быть уверен, что доберется и до другого.

Он опустился на колени против часовни, чтобы не терять Базена из виду. По счастью, служилась краткая обедня, без пения, и должна была скоро кончиться. Д'Артаньян, перезабывший все молитвы и не позаботившийся захватить с собой молитвенник, стал от нечего делать наблюдать за Базеном.

Вид Базена в его новом одеянии был, можно сказать, столь же величественный, как и нелепый. Ясно было, что он достиг или почти достиг предела своих желаний, и китовый ус, оправленный в серебро,

который он держал в руке, казался ему столь же почетным, как маршальский жезл, который Конде бросил, а может быть, и не бросал, в неприятельские ряды в битве под Фрейбургом.

Его внешность преобразилась, если можно так выразиться, под стать одежде. Тело округлилось и стало напоминать овал. На лице угловатости сгладились. Нос у него был все тот же, но щеки, округлившись, совсем заслоняли его с двух сторон; подбородок незаметно переходил в шею; глаза заплыли не то что от жира, а от какой-то одутловатости. Что же касается лба, то ежиком, по-церковному, подстриженные волосы покрывали его до самых бровей. Заметим, кстати, что лоб Базена, даже не будучи закрытым, никогда не превышал полутора дюймов в высоту.

В ту минуту, как д'Артаньян закончил свой осмотр, завершилась и обедня. Священник произнес «аминь» и удалился, благословив молящихся, которые, к удивлению д'Артаньяна, преклонили при этом колена. Он перестал удивляться, узнав в священнослужителе самого коадьютора, а именно, знаменитого Жана Франсуа де Гонди, который уже в это время, как бы представляя свою будущую роль, снискал себе большую популярность, щедро раздавая милостыню.

Чтобы завоевать эту популярность, он и служил иногда ранние обедни, на которые обычно приходит только простой люд.

Д'Артаньян, как и все, опустил на колени, принял причитающееся на его долю благословение, перекрестился, но в ту минуту, когда мимо него проходил Базен, скромно замыкавший шествие, с воздетыми к небу очами, д'Артаньян ухватил его за полу; Базен опустил глаза и отскочил назад, словно увидал змею.

— Господин д'Артаньян! — воскликнул он.— *Vade retro, Satanas!*[\[5\]](#)

— Однако, милый Базен,— проговорил, смеясь, офицер,— вот как вы встречаете старого друга.

— Сударь,— ответил Базен,— истинные друзья христианина те, которые споспешествуют его спасению, а не те, кто отвращают от него.

— Я что-то не уловил вашу мысль, Базен,— сказал д'Артаньян,— и не понимаю, как я могу служить камнем преткновения в деле вашего спасения.

— Вы забываете,— ответил Базен,— что чуть не погубили моего бедного господина; из-за вас он губил свою душу, служа в мушкетерах, когда чувствовал пламенную тягу к делам церкви.

— Мой милый Базен,— возразил д'Артаньян,— вы должны были бы понять хотя бы по месту, где меня видите, что я очень переменялся: с годами становишься разумнее. И поскольку я не сомневаюсь, что ваш господин спасает свою душу, то я и пришел к вам узнать, где он находится, чтобы он своими советами помог и моему избавлению.

— Скажите лучше — чтобы вновь увлечь его мирскими заботами. По счастью, я не знаю, где он. Нет, в самом деле, находясь в святом месте, я никогда не решился бы солгать.

— Как! — воскликнул д'Артаньян, совершенно разочарованный.— Вам не известно, где Арамис?

— Во-первых,— сказал Базен,— Арамис — это имя погибели. Если прочесть «Арамис» навыворот, получится «Симара», имя одного из злых духов, которое, по счастью, им навсегда оставлено.

— Хорошо,— сказал д'Артаньян, решившись терпеть все до конца.— Я ищу вовсе не Арамиса, а аббата д'Эрбле. Ну же, мой милый Базен, скажите мне, где он.

— Разве вы не слышали, господин д'Артаньян, что я ответил вам?

— Слышал, конечно; но я отвечу вам, что не верю ни одному вашему слову.

— Тем не менее это правда, сударь, чистая правда, как перед Богом клянусь.

Д'Артаньян хорошо видел, что ничего не вытянет из Базена; ясно было, что тот лжет, но лгал он с таким жаром и упорством, что можно было легко предвидеть: этот не уступит.

— Хорошо! — сказал д'Артаньян.— Итак, вы не знаете, где живет ваш хозяин, не будем больше говорить о нем и расстанемся друзьями; вот вам полпистоля, выпейте за мое здоровье.

— Я не пью, сударь,— сказал Базен, величественно отводя руку офицера.— Это мирской порок.

— Вот еще неподкупный! — проворчал д'Артаньян.— Ну и не везет мне!

И едва д'Артаньян, отвлеченный своими размышлениями, выпустил из рук полу Базена, тот поспешил воспользоваться свободой и быстро удалился в ризницу, дверь которой запер для большей безопасности.

Д'Артаньян не двинулся с места и в упор глядел на дверь, ставшую преградой между ним и Базеном; вдруг он почувствовал, что кто-то дотронулся до его плеча.

Он обернулся и едва не вскрикнул от удивления, но тот, кто коснулся его, приложил палец к губам в знак молчания.

— Вы здесь, мой милый Рошфор? — сказал д'Артаньян вполголоса.

— Шш... — произнес Рошфор. — Разве вы знали, что я освободился?

— Я узнал это из первых рук.

— От кого ж?

— От Планше.

— Как от Планше?

— Ведь это он вас спас.

— Планше? То-то мне показалось, что это он. Вот доказательство, что благодеяние всегда вознаграждается.

— А что вы здесь делаете?

— Пришел возблагодарить Господа за свое освобождение, — произнес Рошфор.

— Сомневаюсь. Мне кажется, причина не в этом.

— А еще за советом к коадьютору; хочу попробовать, нельзя ли чем насолить Мазарини.

— Безумец! Вас опять запрячут в Бастилию!

— Ну уж нет! Об этом я позабочусь, ручаюсь вам. Уж очень хорошо на свежем воздухе, — продолжал Рошфор, вздыхая полной грудью. — Я поеду в деревню, прокачусь по провинции.

— Какое совпадение! — сказал д'Артаньян. — Я тоже.

— А можно спросить куда?

— На розыски моих друзей.

— Каких друзей?

— Тех самых, о которых вы меня вчера спрашивали.

— Атоса, Портоса и Арамиса? Вы их разыскиваете?

— Да.

— Нет, правда?

— Что же тут удивительного?

— Ничего! Очень интересно! А по чьему поручению вы их разыскиваете?

— А вы сами не догадываетесь?

— Догадываюсь.

— К несчастью, я не знаю, где они.

— Никак не можете узнать? Подождите неделю, я вам добуду сведения, — сказал Рошфор.

— Неделя — это долго, я за три дня должен их найти.

— Три дня — маловато,— сказал Рошфор,— Франция велика.

— Не беда. Знаете, что значит слово «надо»? С этим словом можно многое сделать.

— А когда вы начнете поиски?

— Уже начал.

— В добрый час!

— И вам счастливого пути.

— Быть может, мы встретимся в дороге?

— Едва ли.

— Как знать. Все может случиться.

— До свиданья!

— До свиданья. Кстати, если Мазарини вспомнит обо мне, скажите: я просил вас сообщить ему, что он скоро увидит, так ли я стар для дел, как он думает.

И Рошфор удалился с той дьявольской улыбкой на губах, которая прежде так часто пугала д'Артаньяна; но на этот раз д'Артаньян принял ее без страха и сам улыбнулся с грустью. Он вспомнил свою возлюбленную и подумал: «Ступай, демон, и делай, что хочешь. Теперь ты мне безразличен: второй Констанции не будет».

Оглянувшись, д'Артаньян увидел Базена, который снял с себя облачение и разговаривал с тем ключарем, к которому обратился д'Артаньян, войдя в церковь. Базен был очень возбужден и размахивал толстыми короткими руками. Д'Артаньян понял, что он, вероятно, внушал ключарю мысль, что нужно быть особенно осторожным с этим гасконцем.

Д'Артаньян воспользовался тем, что оба служителя заняты, чтобы незаметно улизнуть из собора и притаиться за углом улицы Канет. Базен не мог пройти незамеченным мимо него.

Пять минут спустя д'Артаньян увидел, что Базен, озираясь, вышел на паперть. Но он не заметил в пятидесяти шагах от себя нашего офицера, притаившегося за углом. Видимо, успокоенный, Базен пошел по улице Богоматери. Д'Артаньян выскочил из своей засады как раз вовремя, чтобы увидеть, когда он повернул на Жидовскую улицу, затем на улицу Каландр и вошел в приличный с виду дом. И наш герой не усомнился, что уважаемый сторож обитает именно в этом доме. Д'Артаньян и не собирался идти туда справляться, поскольку

привратник, если таковой имелся, был уже предупрежден; а если такого не было, то к кому было ему обратиться? Поэтому он вошел в кабачок на углу улиц Сент-Элоа и Каландр и спросил глентвейну. На приготовление этого напитка требовалось добрых полчаса, и д'Артаньян смог наблюдать за Базеном. Тем временем он заметил шустрого мальчугана лет двенадцати—пятнадцати, очень веселого с виду, в котором он признал мальчишку, виденного минут двадцать назад в облачении церковного служки. Он вступил с ним в беседу, и поскольку будущий причетник не имел оснований утаивать что-либо, то д'Артаньян узнал, что он от шести до девяти часов утра исполняет обязанности певчего, а с девяти утра до полуночи прислуживает в кабаке.

Пока они разговаривали, к дому Базена подвели оседланную лошадь, а минуту спустя вышел и сам Базен.

— Ишь ты! — усмехнулся мальчик.— Наш сторож собирается в путь-дорогу.

— А куда это он? — спросил д'Артаньян.

— А я почему знаю!

— Дам полпистоля, если узнаешь, куда он собрался,— сказал наш герой.

— Полпистоля,— переспросил мальчик, у которого глаза разгорелись от радости,— если узнаю, куда едет Базен? Это нетрудно. А вы не обманете, господин?

— Нет, слово офицера: на, смотри, вот они, полпистоля.

И он показал ему соблазнительную монету, не выпуская ее, однако, из рук.

— Я пойду спрошу у него.

— Так ты, дружок, ничего не узнаешь,— сказал д'Артаньян.— Подожди, пока он уедет, а потом уже спрашивай, выпытывай, разузнавай. Это твое дело, полпистоля тут.— И он положил монету обратно в карман.

— Понял,— сказал мальчишка, хитро улыбаясь, как умеют улыбаться парижские уличные сорванцы.— Ладно! Подождем!

Ждать пришлось недолго. Пять минут спустя Базен тронулся рысцей, подбадривая лошадь уколами зонтика.

Базен всегда имел привычку брать с собой зонтик вместо плетки.

Д'Артаньян снова уселся за стол в полной уверенности, что не

пройдет и десяти минут, как он все узнает.

И действительно, мальчишка вернулся раньше этого срока.

— Ну? — спросил д'Артаньян.

— Готово, — сказал мальчуган, — я знаю, в чем дело!

— Куда же он поехал?

— А полпистоля мне будут?

— Конечно. Говори скорей.

— Я хочу видеть монету. Дайте, я только взгляну, не фальшивая ли?

— Вот.

— Хозяин, — сказал мальчишка, — господин просит разменять деньги.

Хозяин стоял за конторкой. Он дал мелочь и принял полпистоля.

Мальчишка сунул мелочь в карман.

— Ну а теперь говори, куда он поехал? — спросил д'Артаньян, весело наблюдавший его проделки.

— В Нуази.

— Откуда ты знаешь?

— Невелика хитрость. Я признал лошадь мясника, которую Базен иногда у него нанимает. Вот я и подумал: не даст же мясник свою лошадь просто, не спросив, куда на ней поедут. Хотя я не думаю, чтобы Базен был способен загнать лошадь.

— Ну, он ответил тебе, что господин Базен...

— ...поехал в Нуази. Да он туда часто катается, раза два-три в неделю.

— А ты знаешь Нуази?

— Еще бы. Там моя кормилица живет.

— А есть в Нуази какой-нибудь монастырь?

— Еще какой! Иезуитский!

— Ладно, — сказал д'Артаньян, — теперь мне все ясно.

— Стало быть, вы довольны?

— Да. Как тебя зовут?

— Фрике.

Д'Артаньян записал имя мальчика и адрес кабака.

— А что, господин офицер, — спросил тот, — может быть, удастся еще полпистоля заработать?

— Все может быть, — сказал д'Артаньян уклончиво.

Узнав все, что ему было нужно, он заплатил за глинтвейн, к

которому даже не притронулся, и поспешил обратно на Тиктонскую улицу.

IX

О ТОМ, КАК Д'АРТАНЬЯН, ВЫЕХАВ НА ПОИСКИ АРАМИСА, ВДРУГ ОБНАРУЖИЛ ЕГО СИДЯЩИМ НА ЛОШАДИ ПОЗАДИ ПЛАНШЕ

Вернувшись домой, д'Артаньян увидел, что возле камина кто-то сидит; это был Планше, но Планше, столь преобразившийся благодаря обноскам, оставленным сбежавшим мужем, что он насилу узнал его. Мадлен представила его ему на глазах у всех слуг. Планше обратился к офицеру с какой-то трескучей фламандской фразой, тот ответил ему несколько слов на каком-то несуществующем языке, и договор был заключен: брат Мадлен вступил в услужение к д'Артаньяну.

У д'Артаньяна уже готов был план. Опасаясь быть узнанным, он не хотел появляться в Нуази днем. Таким образом, у него оставалось еще свободное время: Нуази лежал всего в трех-четырех километрах от Парижа по дороге в Мо.

Он начал с того, что основательно позавтракал. Может быть, это плохо, когда надо работать головой, но очень хорошо перед физическим трудом. Потом он переоделся, боясь, что плащ лейтенанта возбудит подозрения, и выбрал самую прочную и надежную из своих трех шпаг, которую пускал в ход только в важных случаях.

Около двух часов пополудни он велел оседлать лошадей и в сопровождении Планше выехал через заставу Ла-Вильет. А в соседнем с «Козочкой» доме тем временем шли поиски Планше.

Отъехав на полтора километра от Парижа, д'Артаньян заметил, что он все-таки выехал слишком рано, и остановился, чтобы дать передохнуть лошадям. Гостиница была переполнена людьми довольно подозрительного вида, готовившимися, по-видимому, к какому-то ночному налету. В дверях показался мужчина, закутанный в плащ, но, заметив постороннего, он сделал знак двум другим, сидевшим за столом, и те вышли вместе с ним за дверь.

Наш герой с беспечным видом подошел к трактирщице, похвалил ее отвратительное монтрейльское вино и, задав несколько вопросов о Нуази, узнал, что там всего только два больших дома: в одном, принадлежащем парижскому архиепископу, живет сейчас его

племянница, герцогиня де Лонгвиль, а в другом помещается иезуитский монастырь, и это была, как водится, собственность достойных отцов. Ошибиться было невозможно.

В четыре часа д'Артаньян снова пустился в дорогу; он ехал шагом, желая прибыть в Нуази, когда уже совсем стемнеет. Ну а когда едешь шагом, да еще зимой, в слякоть, по скучной дороге, нечего больше делать, кроме того, что делает, по словам Лафонтена, заяц в своей норе: размышлять. Итак, д'Артаньян размышлял, и Планше тоже. Только, как мы увидим дальше, размышления их были разного характера. Одно слово трактирщицы особенно привлекло внимание д'Артаньяна — это было имя герцогини де Лонгвиль. В самом деле, герцогиня могла хоть кого заставить задуматься: она была одной из знатнейших дам королевства и одной из первых придворных красавиц. Выданная замуж за старого герцога де Лонгвиля, которого не любила, она сперва слыла любовницей Колиньи, убитого впоследствии из-за нее на дуэли посреди Королевской площади герцогом де Гизом; потом говорили о ее слишком нежной дружбе с принцем Конде, ее братом, и стыдливые души придворных были порядком смущены. Наконец, говорили, что эта дружба сменилась стойкой и глубокой ненавистью, и в настоящее время герцогиня де Лонгвиль была, по слухам, в связи, правда политической, с князем де Марсильяком, старшим сыном старого герцога де Ларошфуко, которого она старалась переманить в стан врагов принца Конде.

Д'Артаньян думал обо всем этом. Он вспоминал, как в Лувре часто видел проходившую мимо него ослепительную красавицу герцогиню де Лонгвиль. Он думал об Арамисе, который ничем не лучше него, а между тем был когда-то любовником герцогини де Шеврез, игравшей в прошлое царствование ту же роль, как теперь де Лонгвиль. И он спрашивал себя, почему встречаются на свете люди, которые добиваются всего, чего желают: одни — почестей, другие — любви, меж тем как другие застревают где-то на полдороге — то по вине фортуны, то от незадачливости, то из-за естественных препятствий, создаваемых самой матушкой природой.

Д'Артаньян вынужден был сознаться, что, несмотря на свой ум и всю свою ловкость, он всегда, вероятно, будет в числе последних. Внезапно Планше, подъехав к нему, сказал:

— Бьюсь об заклад, сударь, что вы думаете о том же, о чем и я.

— Навряд ли, Планше,— сказал улыбаясь д'Артаньян.— Но о чем же ты все же думаешь?

— У меня из головы не выходят те подозрительные личности, которых мы видели в харчевне.

— Ты осторожен, как всегда.

— Это сидит во мне, сударь.

— Ну и что же тебе говорит твой внутренний голос в таких случаях?

— Он говорит мне, что эти люди собрались в харчевне с недобрыми намерениями; я раздумывал о том, что мне говорит мой внутренний голос, в самом темном углу конюшни, как вдруг в нее вошел человек, закутанный в плащ, а за ним явились еще двое.

— Ну-ну,— сказал д'Артаньян, видя, что рассказ Планше совпадает с его собственными наблюдениями.— И что же?

— Один из них сказал: «Он, наверное, должен быть сейчас в Нуази или приехать туда сегодня вечером; я узнал его слугу». «Ты уверен?» — спросил человек в плаще. «Да, принц!..» — был ответ.

— Принц? — прервал д'Артаньян.

— Именно так! Но слушайте дальше. «Если он там, то давай решим, что с ним делать»,— сказал второй незнакомец. «Так что с ним делать? — спросил принц.— Он ведь не таков, чтобы добровольно сдаться; обязательно схватится за шпагу».— «Тогда придется и вам сделать то же, только старайтесь захватить его живьем. Есть ли у вас веревки, чтобы связать его, и тряпка, чтобы сделать кляп?» — «Все есть».— «Будьте внимательны; он, скорее всего, будет переодет».— «Конечно, конечно, монсеньор, будьте покойны».— «Впрочем, я сам там буду и помогу вам».— «Вы ручаетесь, что полиция...» — «Ручаюсь за все»,— сказал принц. «Хорошо, мы постараемся». И после этого они вышли из конюшни.

— Да какое же это имеет отношение к нам? — сказал д'Артаньян.— Это одно из тех предприятий, какие затеваются ежедневно.

— А вы уверены, что оно не направлено против нас?

— Против нас? С какой стати?

— Гм! Припомните-ка, что они говорили: «Я узнал его слугу» — это вполне может относиться ко мне.

— Так, дальше?

— «Он должен быть сейчас в Нуази или приехать туда сегодня вечером» — это тоже вполне может относиться к вам.

— Еще что?

— Еще принц сказал: «Будьте внимательны, он, по всей вероятности, будет переодет». Это уж, мне кажется, не оставляет никаких сомнений, потому что вы не в мушкетерской форме. Что вы на это скажете?

— Увы, мой милый Планше,— сказал д'Артаньян со вздохом,— к сожалению, уже миновала пора, когда принцы искали случаев убить меня. Ах, славное то было время! Будь покоен, мы вовсе не нужны этим людям.

— Уверены ли вы, сударь?

— Абсолютно.

— Ну, тогда нечего и говорить об этом.

И Планше снова поехал позади д'Артаньяна. Он по-прежнему безгранично доверял своему господину, и пятнадцать лет разлуки не изменили этого чувства.

Они проехали около километра. Планше снова поравнялся с д'Артаньяном.

— Сударь,— сказал он.

— Ну? — отозвался тот.

— Поглядите-ка, сударь, в ту сторону; не кажется ли вам, что там, в темноте, двигаются тени? Прислушайтесь, по-моему, слышен лошадиный топот.

— Этого не может быть,— сказал д'Артаньян,— земля размокла от дождя; но мне кажется после твоих слов, что я что-то вижу.

И он замер, вглядываясь в темноту и прислушиваясь.

— Хоть я не улавливаю топота лошадей, но, по крайней мере, слышно их ржание. Слышите?

Действительно, в темноте до слуха д'Артаньяна донеслось отдаленное лошадиное ржание.

— Это наши молодцы выступили в поход,— сказал он,— но нас это не касается. Едем дальше.

И они продолжали свой путь.

Через полчаса наши путники достигли первых домов поселка Нуази. Было, наверное, около девяти часов вечера.

По провинциальной привычке все уже спали, не светило ни одного огонька.

Д'Артаньян и Планше поехали дальше.

По обеим сторонам дороги на темно-сером фоне неба выделялись еще более темные уступы крыш. Время от времени за воротами раздавался лай разбуженной собаки или вспугнутая кошка стремительно кидалась с улицы и пряталась в куче хвороста, откуда виднелись только одни ее горящие, как карбункулы, глаза. Казалось, это были единственные живые существа, обитавшие в деревне. Посреди селения, на главной площади, разделяя два переулка, темной массой возвышалось большое здание с огромными ветвистыми липами перед фасадом. Д'Артаньян внимательно осмотрел его.

— Это должен быть замок архиепископа, где живет красавица де Лонгвиль,— сказал он Планше.— Но где же монастырь?

— Монастырь в конце деревни, я знаю.

— Так скачи туда,— сказал д'Артаньян,— пока я подтяну подпругу у лошади, и посмотри, не светятся ли у иезуитов окна.

Планше повиновался и исчез в темноте, между тем как д'Артаньян, спешившись, стал подтягивать ремни у седла.

Через пять минут Планше вернулся.

— Сударь, свет есть только в одном окне, выходящем в поле.

— Гм! — сказал д'Артаньян.— Если бы я был боевой офицер, то постучался и уверен, что нашел бы достойный ночлег; если бы я был монах, я бы постучался туда и, наверное, получил бы отличный ужин; а мы, скорее всего, заночуем на сырой земле, голодные и холодные.

— Да, как знаменитый буриданов осел,— прибавил Планше.— А все же — не постучаться ли?

— Шш! — сказал д'Артаньян.— Единственный огонек в окне и тот потух.

— Слышите? — сказал Планше.

— В самом деле, что это за шум?

Послышался гул, как от налетающего урагана, и в ту же минуту из двух переулков, с двух сторон дома выехали два отряда всадников, человек в десять каждый, которые, сомкнув ряды, двинулись на д'Артаньяна и Планше.

— Ого! — сказал д'Артаньян, обнажая шпагу и прячась за лошадь, в то время как Планше проделал то же самое.— Видно, твоя правда, они и впрямь добираются до нас.

— Вот он! Попался! — закричали всадники и бросились с обнаженными шпагами на д'Артаньяна.

— Не упустите! — раздался громкий голос.

— Да, монсеньор! Будьте покойны.

Д'Артаньян решил, что пора подать голос.

— Эй, слушайте,— сказал он со своим гасконским акцентом,— чего вам надо?

— Узнаешь сейчас! — заревели всадники хором.

— Стойте! Стойте! — закричал тот, которого назвали монсеньором.

— Стойте, говорят вам, это не его голос!

— Вот и я о том же,— сказал д'Артаньян.— Взбесились вы, что ли, здесь, в Нуази? Берегитесь, предупреждаю вас; тому, кто приблизится на длину моей шпаги,— а она у меня длинная,— я распорю брюхо.

Предводитель подъехал к нему.

— Что вы тут делаете? — спросил он надменным, привыкшим повелевать голосом.

— А вы? — спросил д'Артаньян его же тоном.

— Повежливее, не то вас проучат: хоть я вам себя не называю, я все же требую, чтобы вы были почтительны к моему сану.

— Вы боитесь назвать себя, потому что командуете разбойничьей шайкой,— заявил д'Артаньян,— но мне, мирно путешествующему со своим слугой, нет никаких причин скрывать свое имя.

— В таком случае — назовите его.

— Я назову вам себя, чтобы вы знали, где найти меня, сударь, принц или монсеньор, или как вас там,— ответил гасконец, не желавший, чтобы думали, что он испугался угрозы.— Знаете д'Артаньяна?

— Лейтенанта королевских мушкетеров? — спросил голос.

— Этого самого!

— Конечно.

— Ну так вы, верно, слышали, что у него крепкая рука и острая шпага?

— Вы господин д'Артаньян?

— Как вы догадливы.

— Значит, вы приехали сюда его защищать?

— Кого его?..

— Того, кого мы ищем.

— Я думал попасть в Нуази, а попал, кажется, в страну загадок,— сказал д'Артаньян.

— Отвечайте же,— сказал тот же надменный голос,— вы ожидали

его здесь, под окнами? Вы приехали в Нуази, чтобы защищать его?

— Я никого не жду,— сказал д'Артаньян, начиная терять терпение, — и никого не собираюсь защищать, кроме себя самого, но уж себя-то, предупреждаю, буду защищать со всем жаром.

— Хорошо,— сказал голос,— ступайте отсюда, очистите нам место.

— Уйти отсюда? — сказал д'Артаньян, в планы которого явно не входило уезжать.— Мне это будет непросто, принимая во внимание, что я изнемогаю от усталости и моя лошадь тоже; если, конечно, вы не предложите мне ужин и ночлег где-нибудь поблизости.

— Наглец!

— Эй, сударь, осторожнее в выражениях, потому что если вы скажете еще словечко в этом роде, то будь вы хоть трижды маркиз, герцог, принц или даже сам король, я вколочу ваши слова вам в глотку, слышите!

— Ну, ну,— сказал предводитель,— сейчас на все сто невозможно ошибиться, я убедился, что говорит гасконец, и значит, не тот, кого мы ищем. На этот раз не удалось! Едем! Мы с вами еще встретимся, господин д'Артаньян,— продолжал предводитель, повышая голос.

— Да, но уже не при таком численном превосходстве,— насмешливо сказал гасконец,— быть может, это будет среди белого дня и вы будете один.

— Ладно, посмотрим! — произнес голос.— В дорогу, господа!

И всадники, ворча и препираясь, исчезли в темноте по дороге в Париж.

Д'Артаньян и Планше еще некоторое время постояли с обнаженными шпагами; но поскольку шум все удалялся, они вложили оружие в ножны.

— Видишь, дурень,— спокойно сказал д'Артаньян,— они вовсе не нас искали.

— А кого же тогда? — спросил Планше.

— Ей-богу, не знаю! Да и какое мне дело? У меня другая забота — попасть в монастырь к иезуитам. Ну, на коней и постучимся к ним! Будь что будет, не съедят же они нас, черт побери!

И д'Артаньян вскочил в седло.

Едва Планше сделал то же самое, как вдруг на круп его лошади свалилась неожиданная тяжесть, от которой лошадь даже осела на задние ноги.

— Эй, сударь,— закричал Планше,— сзади меня человек сидит!

Д'Артаньян обернулся и в самом деле увидал две человеческие фигуры на лошади Планше.

— Нас сам дьявол преследует! — воскликнул он, обнажая шпагу и собираясь напасть на новоприбывшего.

— Нет, милый д'Артаньян,— ответил тот,— это не черт, это я, Арамис. Скачи галопом, Планше, и в конце деревни сверни влево.

Планше с Арамисом за спиной молча поскакал вперед, и д'Артаньян последовал за ними, начиная думать, что все это ему мерещится в фантастическом и бессвязном забытьи.

Х

АББАТ Д'ЭРБЛЕ

В конце улицы Планше свернул налево, как ему приказал Арамис, и остановился под освещенным окном. Арамис соскочил на землю и трижды хлопнул в ладоши. Тотчас же отворилось окно, и оттуда спустилась веревочная лестница.

— Друг мой,— сказал Арамис,— не угодно ли подняться, я буду очень рад видеть вас у себя.

— Вот как! — сказал д'Артаньян.— У вас всегда так входят в дом?

— После десяти часов вечера поневоле приходится, черт возьми! Монастырский устав очень строг!

— Извините, мой милый, мне слышалось, вы сказали «черт возьми»?

— Разве? — засмеялся Арамис.— Бывает; вы не можете себе представить, дорогой мой, сколько дурных привычек приобретаешь в этих проклятых монастырях и какие скверные манеры у всех этих отцов, с которыми я принужден жить под одной крышей. Что же вы не поднимаетесь?

— Ступайте вперед, я за вами.

— «Чтобы указать вам дорогу, ваше величество», как сказал покойный кардинал покойному королю.

И Арамис ловко вскарабкался по лестнице на подоконник.

Д'Артаньян полез за ним, но не так проворно; видно было, что пути такого рода были ему менее привычны, чем его другу.

— Прошу прощения,— сказал Арамис, заметив его замешательство, — если б я знал, что вы окажете мне честь своим посещением, то приказал бы поставить садовую лестницу; для меня лично достаточно этой.

— Сударь,— сказал Планше, когда д'Артаньян почти уже достиг цели,— этакий способ хорош для господина Арамиса, кое-как годится для вас, да и для меня куда ни шло, но лошадям по веревочной лестнице ни за что не забраться.

— Отведите их в этот сарай, друг мой,— сказал Арамис, указывая Планше на какое-то строение неподалеку,— там вы найдете для них овес и солому.

— А для меня? — спросил Планше.

— Вы подойдете к этому окну, хлопнете три раза в ладоши, и мы спустим вам что-нибудь поесть. Будьте уверены, здесь не умирают с голоду. Ступайте!

И Арамис, втянув лестницу, захлопнул окно.

Наш герой с любопытством осмотрел комнату.

Ни разу еще не видал он более воинственного и вместе с тем изящного помещения. В каждом углу военные трофеи, шпаги всех типов и четыре большие картины, изображавшие в полном боевом вооружении кардинала Лотарингского, кардинала Ришелье, кардинала Ла Валетта и бордоского архиепископа. Правда, кроме них, ничто не напоминало о том, что это жилище аббата: шелковые обои, алансонские ковры, а в особенности постель с кружевами и пышным покрывалом, походившая больше на альков красотики, чем на одр человека, давшего обет достигнуть рая воздержанием и умерщвлением плоти.

— Вам не по душе пришла моя келья? — спросил Арамис.— Ах, дорогой мой, извините меня. Что делать! Живу как картезианец. Но что вы оглядываетесь?

— Смотрю, кто спустил вам лестницу; здесь никого нет, не могла же лестница явиться сама собой.

— Это сделал Базен.

— А-а,— ответил д'Артаньян.

— Однако,— продолжал Арамис,— Базен у меня хорошо вымуштрован: он увидел, что я возвращаюсь не один, и удалился из скромности. Садитесь, милый мой, потолкуем.

И Арамис придвинул д'Артаньяну широкое кресло, в котором тот удобно уселся.

— Прежде всего вы со мной отужинаете, не возражаете? — спросил Арамис.

— Да, если вам угодно, и даже с большим удовольствием,— сказал д'Артаньян.— Признаюсь, в дороге я чертовски проголодался.

— Ах, бедный друг! — сказал Арамис.— Мой стол сегодня очень скуден, не взыщите, мы вас не ждали.

— Неужели мне угрожает криверская яичница с теобромом? Так ведь, кажется, вы прежде называли шпинат?

— О, будем надеяться,— ответил Арамис,— что с помощью Божьей и Базена мы найдем что-нибудь получше в кладовых у достойных

отцов-иезуитов. Базен, друг мой! — позвал он.— Базен, где вы?

Дверь отворилась, и явился Базен; но, увидав д'Артаньяна, он издал вопль, похожий на крик отчаяния.

— Милый мой, я восхищен тем умением, с каким вы лжете даже в церкви.

— Сударь, я узнал от достойных отцов-иезуитов,— ответил Базен,— что ложь позволительна, когда лгут с добрым намерением.

— Хорошо, хорошо, Базен. Д'Артаньян умирает с голоду, и я тоже; дайте нам поужинать и найдите еды получше, а главное, принесите хорошего вина.

Базен поклонился, покорно вздохнул и вышел.

— Теперь мы одни, милый Арамис,— сказал д'Артаньян, переводя глаза с мебелировки на хозяина и рассматривая его одежду, чтобы довершить обзор,— скажите мне, откуда, черт возьми, вы свалились на лошадь Планше?

— Ведь вы же сами прекрасно видели,— сказал Арамис.— С неба.

— С неба! — повторил д'Артаньян, покачивая головой.— На мой взгляд, вам так же трудно с него свалиться, как туда попасть.

— Мой милый,— сказал Арамис с таким самодовольством, какого д'Артаньян никогда не видывал в нем в те времена, когда тот был мушкетером,— если я явился и не с неба, то уж наверняка из рая, а это почти одно и то же.

— Наконец-то ученые разрешили этот вопрос! — воскликнул д'Артаньян.— До сих пор они никак не могли договориться относительно точного местонахождения рая; одни помещали его на горе Арарат, другие — между Тигром и Евфратом; но, оказывается, его искали очень далеко, тогда как он у нас под боком; рай в Нуази-ле-Сек, в замке парижского архиепископа. Оттуда выходят не в дверь, а в окно; спускаются не по мраморным ступеням лестницы, а цепляясь за липовые ветки, а стерегущий его ангел с огненным мечом, кажется, изменил свое небесное имя Гавриила на земное имя князя де Марсильяка.

Арамис расхохотался.

— Рад видеть, что вы все тот же веселый собеседник,— сказал он,— и ваше гасконское остроумие вам не изменило. В том, что вы говорите, есть доля правды; но не думайте только, что я влюблен в госпожу де Лонгвиль.

— Как можно! Будучи так долго возлюбленным госпожи де Шеврез, не отдадите же вы свое сердце ее смертельному врагу.

— Да, правда,— развязно ответил Арамис,— когда-то я очень любил эту милую герцогиню, и, надо отдать ей должное, она была нам очень полезна. Но что делать! Ей пришлось покинуть Францию. Беспощадный был враг этот проклятый кардинал,— продолжал Арамис, бросив взгляд на портрет покойного министра.— Он приказал арестовать ее и заключил в замок Лош. Ей-богу, он отрубил бы ей голову, как Шале, Монморанси и Сен-Мару; но она спаслась, переодевшись мужчиной, вместе со своей горничной, бедняжкой Кэтти; у нее было даже, я слышал, забавное приключение в одной деревне с каким-то священником, у которого она попросилась переночевать и который, располагая всего лишь одной комнатой и приняв госпожу де Шеврез за мужчину, предложил ей разделить эту комнату с ним. Она ведь изумительно ловко носила мужское платье, эта милейшая Мари. Я не знаю другой женщины, которой бы оно так шло; потому-то на нее и написали куплеты:

Лабуассер, скажи, на ком...

Вы их знаете?

— Нет, не знаю; спойте, мой дорогой.

И Арамис запел с самым дурашливым видом:

Лабуассер, скажи, на ком
Мужской наряд так впору?
Вы гарцуете верхом
Лучше нас, без спору.
Она,
Как юный новобранец
Среди рубак и пьяниц,
Мила, стройна.

— Bravo! — сказал д'Артаньян.— Вы все еще чудесно поете, милый Арамис, и я вижу, что обедня не влияет на вокальные данные.

— Дорогой мой,— сказал Арамис,— когда я был мушкетером, я всеми силами уклонялся от несения караулов, и теперь, будучи аббатом, я делаю то же самое с обеднями, то есть служу их как можно реже. Но

вернемся к бедной герцогине.

— К которой? К герцогине де Шеврез или к герцогине де Лонгвиль?

— К первой. Вы видели ее по возвращении ее из Брюсселя после смерти короля?

— Конечно. Она тогда была еще очень хороша собой.

— Да, и я тоже виделся с ней в то время; я давал ей превосходные советы, но она не хотела их слушать; я распинался, уверяя, что Мазарини — любовник королевы; она не хотела мне верить, говорила, что хорошо знает Анну Австрийскую и что та слишком горда, чтобы любить подобного негодяя. Потом она очертя голову окунулась в заговор герцога Бофора, а подлый Мазарини приказал арестовать герцога Бофора и изгнать герцогиню де Шеврез.

— Вы знаете,— сказал д'Артаньян,— она получила разрешение вернуться.

— Да, и уже вернулась... Она еще наделает глупостей.

— Ну, может быть, на этот раз она последует вашим советам?

— О, на этот раз,— сказал Арамис,— я с ней не виделся, она ведь сильно изменилась.

— Чего нельзя сказать о вас, любезный Арамис: вы не меняетесь. У вас все те же прекрасные волосы, та же изящная фигура, те же тонкие руки, ставшие прекрасными руками прелата.

— Да,— сказал Арамис,— это правда, я забочусь о своей внешности.

Но вы знаете, я старею, скоро мне стукнет тридцать семь.

— Послушайте,— сказал д'Артаньян, улыбаясь,— раз уж мы с вами встретились, давайте договоримся, сколько нам должно быть лет на будущее.

— Как так? — спросил Арамис.

— Итак,— продолжал д'Артаньян,— в прежнее время я был моложе вас на три года, а мне, если не ошибаюсь, уже стукнуло сорок.

— В самом деле? — сказал Арамис.— Так, значит, я ошибаюсь, потому что вы всегда были отличным математиком. Так, по вашему счету выходит, что мне уже сорок три года? Черт возьми! Не проговоритесь об этом в отеле Рамбулье — это может мне повредить.

— Будьте уверены в этом,— сказал д'Артаньян,— я там не бываю.

— Но чего застрял там этот скотина Базен? — вскричал Арамис.— Живей, болван, поворачивайся! Мы умираем от голода и жажды!

Вошедший в эту минуту Базен воздел к небу бутылки, которые

держал в руках.

— Наконец-то! — сказал Арамис.— Готово все?

— Да, сударь, сию минуту. Ведь все сразу не подашь...

— Потому что вы думаете, что на вас все еще церковный балахон, и читаете требник. Но предупреждаю вас, что, если, вытирая церковные принадлежности в своей часовне, вы разучитесь чистить мою шпагу, я сложу костер из ваших икон и поджарю вас на нем.

Униженный Базен перекрестился бутылкой. А д'Артаньян, онемев от тона и манер аббата д'Эрбле, столь непохожих на тон и манеры мушкетера Арамиса, сидел, вытаращив глаза, напротив своего друга.

Базен живо накрыл стол камчатной скатертью и расставил на ней столько поджаристых ароматных и соблазнительных кушаний, что д'Артаньян какое-то время не мог говорить ни слова.

— Но вы, наверное, ждали кого-нибудь? — спросил он, оправившись от удивления.

— Вот еще! — ответил Арамис.— У меня всегда найдется чем угостить в непредвиденном случае; да к тому же я знал, что вы меня ищете.

— Откуда?

— Да хотя бы от самого Базена, принявшего вас за дьявола и прибежавшего предупредить меня об опасности, грозящей моей душе, в случае, если я опять буду водить компанию с мушкетерским офицером.

— О, сударь! — умоляюще промолвил Базен, сложив руки.

— Пожалуйста, без лицемерия. Вы знаете, я этого не люблю. Откройте-ка лучше окно да отправьте хлеба, цыпленка и бутылку вина своему другу Планше: он уже целый час из сил выбивается, хлопая в ладоши под окном.

В самом деле, Планше, задав лошадям овса и соломы, вернулся под окно и уже раза три повторил условный сигнал.

Базен повиновался и, привязав к концу веревки три названных предмета, спустил их Планше, который, весьма довольный, тотчас отправился к себе в сарай.

— Теперь давайте ужинать,— сказал Арамис.

Друзья сели за стол, и Арамис принялся разделывать ветчину, цыпляют и куропаток с мастерством опытного гастронома.

— Черт возьми, вы неплохо питаетесь! — сказал д'Артаньян.

— Да, неплохо. А на постные дни у меня есть разрешение из Рима,

которое выхлопотал мне по слабости моего здоровья наш коадьютор. К тому же я взял к себе бывшего повара господина Лафаллона — знаете, старого друга кардинала, того знаменитого обжоры, который вместо молитвы говорил после обеда: «Господи, помоги мне хорошо переварить то, чем я так славно угостился».

— И все же это не помешало ему умереть от расстройства желудка, — заметил смеясь д'Артаньян.

— А куда денешься? — сказал Арамис кротко. — От судьбы не уйдешь.

— Но простите, дорогой, я хочу задать вам один вопрос.

— Ну, разумеется, задавайте, вы ведь знаете, что при наших отношениях не может быть нескромных вопросов.

— Вы разбогатели?

— Отнюдь... Я имею в год двенадцать тысяч ливров, это кроме маленькой пенсии в тысячу экю, которую мне выхлопотал принц.

— Чем же вы зарабатываете эти двенадцать тысяч, — спросил д'Артаньян, — своими стихами?

— Нет, я бросил поэзию; так только, иногда сочиняю какие-нибудь застольные песни, любовные сонеты или невинные эпиграммы. Я пишу проповеди, мой милый!

— Нет, вы шутите!

— Замечательные проповеди, уверяю вас. По крайней мере, все так говорят.

— И вы сами их читаете?

— Нет, я их продаю.

— Кому?

— Тем из моих собратьев, которые мечтают сделаться великими ораторами.

— Вот как! А вас самого разве никогда не прельщала слава?

— Само собой, прельщала, но природа одержала верх. Когда я на кафедре и на меня смотрит хорошенькая женщина, то я тоже начинаю на нее смотреть; она улыбается, и я улыбаюсь. Тогда я сбиваюсь и несу чепуху; вместо того чтобы говорить об адских муках, я несу что-то несусветное о райском блаженстве. Да вот, к примеру, был со мной такой случай в церкви Святого Людовика в Маре... Один дворянин рассмеялся мне прямо в лицо. Я прервал свою проповедь, чтобы заявить ему, что он, как бы понятнее сказать, дурак. Многие вышли чтобы

набрать камней, а я тем временем так настроил присутствующих, что камни полетели в дворянина. Правда, на другой день он явился ко мне, воображая, что имеет дело с обыкновенным аббатом.

— И какие же последствия имел этот визит? — спросил д'Артаньян, держась за бока от хохота.

— Такие последствия, что мы встретились на другой день на Королевской площади. Да ведь вы сами знаете, как было дело, черт возьми!

— Неужели я был вашим секундантом против этого невежи? — спросил д'Артаньян.

— Именно. Вы видели, как я его уделал.

— И он умер?

— Вот уж не знаю. Но на всякий случай я дал ему отпущение грехов. Убить тело, не убивая души,— этого уже достаточно.

Базен сделал категорический жест, показывавший, что он, может быть, и одобряет эту мысль, но отнюдь не тон, каким она высказана.

— Базен, любезнейший, вы, наверное, не замечаете, что я вижу вас в зеркале! Я вам запретил раз и навсегда развивать при мне свои мысли. Будьте добры, принесите-ка нам испанского вина и шагайте в свою комнату. Нам есть о чем поговорить с моим другом д'Артаньяном по секрету. Не правда ли, д'Артаньян?

Д'Артаньян кивнул головой, и Базен, подав испанское вино, величественно удалился.

Оставшись одни, друзья некоторое время молчали. Арамис, казалось, целиком отдался приятному пищеварению, а д'Артаньян думал о том, как начать свою речь. Оба украдкой поглядывали друг на друга.

Арамис заговорил первым.

XI

ДВА ХИТРЕЦА

— Где вы витаете, д'Артаньян, в своих мыслях и чему улыбаетесь?

— Я думаю,— сказал д'Артаньян,— что, когда вы были мушкетером, вы все время старались казаться аббатом, а теперь, став аббатом, сильно смахиваете на мушкетера.

— Это верно,— засмеялся Арамис.— Человек, знаете ли, дорогой мой, странное существо, целиком состоящее из противоречий. С тех пор как я стал аббатом, только и мечтаю, что о войне.

— Это нетрудно заметить по вашей обстановке: каких у вас тут рапир только нет! А фехтовать вы не разучились?..

— Я? Да я фехтую сейчас так же, как фехтовали вы в былое время, даже, быть может, лучше. Только этим и занимаюсь целый день.

— С кем же?

— С превосходным учителем фехтования, который проживает здесь.

— Как это здесь?

— Да, именно здесь, в этом самом монастыре. Вы не поверите, но в иезуитских монастырях можно встретить кого угодно...

— В таком случае, вы справились бы с Марсильяком, если бы тот напал на вас один, а не во главе двадцати человек?

— Можете не сомневаться,— сказал Арамис,— и даже, будь он во главе двадцати человек,— если бы только я мог пустить в ход оружие, не боясь быть узнанным.

«Да он стал еще большим гасконцем, чем я, черт побери!» — подумал д'Артаньян, а вслух сказал:

— Итак, милый мой Арамис, вы спрашиваете, для чего я вас искал?

— Нет, я этого не спрашивал,— лукаво заметил Арамис,— я ждал, когда вы сами мне это скажете.

— Ну так вот, я искал вас единственно для того, чтобы предложить вам убить Марсильяка, когда вам заблагорассудится, пусть он хоть самый светлейший князь.

— Интересная мысль! — сказал Арамис.

— Которую я и предлагаю вам развить. У вас тысяча экю дохода в аббатстве да от продажи проповедей вы имеете двенадцать тысяч. Но скажите, богаты ли вы сейчас? Только честно?

— Богат? Да я нищ, как Иов! Можете обшарить у меня все карманы и столы — вы и сотни пистолей не найдете.

«Сотни пистолей, черт возьми! И это он называет нищенством, как Иов! — подумал д'Артаньян.— Будь они у меня всегда под рукой, я был бы не менее богат, чем Крез».

А вслух прибавил:

— Вы честолюбивы?

— Весьма.

— Так вот, друг мой, я вам дам возможность разбогатеть, сделаться влиятельным, властным и делать все, что вздумается.

Тень пробежала по лицу Арамиса, такая же мимолетная, как тучка, мелькнувшая по солнечной ниве в августе, но, как ни была она мимолетна, д'Артаньян все же ее заметил.

— Говорите,— сказал Арамис.

— Сперва еще один вопрос. Вы занимаетесь политикой?

Во взгляде Арамиса сверкнула молния, такая же быстрая, как тень на лбу, но все же достаточно заметная, чтобы ее увидел д'Артаньян.

— Нет,— ответил Арамис.

— Если так, то любые предложения будут вам на руку, ибо сейчас над вами нет иной власти, кроме Божьей,— засмеялся д'Артаньян.

— Все может быть.

— Вспоминаете ли вы когда-нибудь, милый Арамис, о славных днях нашей молодости, проведенных среди кутежей, веселья и битв?

— Да, конечно, и не раз жалел о них. Счастливое было время!

— Ну, так знайте — эти веселые дни могут повториться, а счастливое время — вернуться. Мне поручено разыскать моих товарищей, и я начал именно с вас, потому что вы были душой нашего союза.

Арамис поклонился скорее из вежливости, нежели из благодарности.

— Опять политика! — проговорил он слабым голосом, откидываясь на спинку кресла.— Ах, дорогой д'Артаньян, вы же видите, как размеренно и спокойно течет моя жизнь. А мы ведь с вами повидали вдоволь неблагодарности знатных людей, разве не так?

— Да, это правда,— сказал д'Артаньян,— но, может быть, эти знатные люди раскаялись в своей неблагодарности?

— Тогда другое дело. К тому же вы совершенно правы в одном, а именно: что если уж у нас опять появилось желание вмешаться в

государственные дела, то сейчас для этого как раз время, мне кажется.

— Откуда вам это известно, если вы не интересуетесь политикой?

— Видите ли, хотя я сам и не интересуюсь ею лично, зато я живу в такой среде, где ею весьма интересуются. В занятиях поэзией и любовью я близко сошелся с Саразеном, сторонником господина де Конти; с Вуатюром, сторонником коадьютора, и с Буаробером, который, с тех пор как не стало кардинала Ришелье, не стоит ни на чьей стороне, или, если хотите, стоит сразу за всех. Так что политическое движение не могло совершенно ускользнуть от меня.

— Я так и думал,— сказал д'Артаньян.

— Впрочем, не воображайте себе лишнего. Мои слова — лишь эхо; я просто вторю тому, что слышу от других. Я наслышан, что сейчас кардинал Мазарини очень обеспокоен оборотом дел. По-видимому, его распоряжения не исполняются с тем уважением, с каким прежде относились к приказаниям нашего бывшего монстра, покойного кардинала, чей портрет вы здесь видите перед собой; ибо, что ни говори, а нужно признать, что он был великий человек.

— Не стану с вами спорить, милый Арамис. Ведь это он произвел меня в лейтенанты.

— Поначалу я был всецело на стороне нового кардинала; я говорил себе, что министр никогда не пользуется любовью и что с гениальным умом, какой ему приписывают, он рано или поздно восторжествует над своими врагами и заставит бояться себя, что, по-моему, может быть, еще лучше, чем заставить себя полюбить.

Д'Артаньян кивнул, что означало, что он вполне согласен с этим сомнительным суждением.

— Поначалу,— продолжал Арамис,— таково было мое мнение; но поскольку я весьма невежествен в такого рода материях и так как обет смирения, данный мною, обязывает меня не полагаться на собственное мнение, то я навел справки, и вот, мой друг...

— Что «и вот»?

— И вот, я должен был смирить свою гордыню. Оказалось, что я ошибаюсь.

— В самом деле?

— Да. Я навел справки, как уже вам говорил, и вот что ответили мне разные люди, совершенно различных взглядов и намерений. «Мазарини... вовсе не такой гениальный человек, каким вы его себе

воображаете».

— В самом деле? — делано удивился д'Артаньян.

— Да. Это низкий человек, бывший слуга кардинала Бентиволио, путем интриг вылезший в люди; это выскочка, человек без имени, преследующий только личные цели, а не заботящийся об интересах Франции. Он награбит денег, ограбит короля, выплатит самому себе все пенсии, которые покойный кардинал Ришелье щедро раздавал направо и налево, но ему не суждено управлять страной ни по праву сильного, ни по праву человека великого, ни даже по праву просто уважаемого человека. Кроме того, по-видимому, у этого министра нет ни благородного сердца, ни благородных манер, это какой-то комедиант, что-то вроде Пульчинеллы или Панталоне. Вы его знаете? Я с ним не знаком.

— Гм,— ответил д'Артаньян,— в том, что вы говорите, есть доля правды.

— Мне очень лестно слышать, что, благодаря кое-какой проницательности, которой я не обделен, мне удалось сойтись во взглядах с таким человеком, как вы, живущим при дворе.

— Но разговор был о его личности, а не о его партии и силе.

— Это правда. За ним стоит королева.

— А это, мне кажется, уже кое-чего стоит.

— Но король не за него.

— Да он ребенок!

— Ребенок, который через четыре года будет совершеннолетним.

— Нам важен сегодняшний день.

— Да, но настоящее — не будущее; да и сегодня он не имеет на своей стороне ни парламента, ни народа — то есть экономической силы; ни дворянства, ни знати — то есть силы военной.

Д'Артаньян почесал за ухом. Он не мог не признать, что это не только глубокая, но и верная мысль.

— Вот видите, дружище, проницательность мне по-прежнему не чужда. Может быть, я напрасно говорю с вами так откровенно: мне уже стало казаться, что вы питаете симпатию к Мазарини.

— Кто, я? — вскричал д'Артаньян.— Ничуть!

— Но вы говорили о каком-то поручении...

— Разве? В таком случае, я неудачно выразился. Нет, я всегда думал так же, как вы. Дела перепутались; не бросить ли нам перо по ветру и не

пойти ли в ту сторону, куда ветер понесет его? Давайте вернемся к прежней жизни приключений. Нас было четыре смелых рыцаря, четыре родственные души, так давайте вновь соединим, но не сердца,— потому что сердца наши всегда оставались неразлучными,— а наши волю и мужество. Представляется случай приобрести нечто лучшее, чем бриллиант.

— Вы правы, д'Артаньян, вы совершенно правы,— ответил Арамис, — и доказательство тому то, что у меня самого была та же мысль. Только мне ее подсказали другие, поскольку я не обладаю вашим живым и неистощимым воображением; в наше время всем нужны посредники. Мне было сделано предложение: кое о чем из наших былых подвигов стало известно, и затем, скажу вам откровенно, я проболтался коадьютору.

— Гонди, врагу кардинала? — вскричал д'Артаньян.

— Нет, другу короля,— ответил Арамис,— другу короля, понимаете? И вот требуется послужить королю, а это — долг каждого дворянина.

— Но ведь король заодно с Мазарини, мой дорогой.

— Фактически — да, но против воли, с виду, но не сердцем. Это и есть западня, которую враги короля приготовили бедному ребенку.

— Вот как! Но вы предлагаете мне просто-напросто междоусобную войну, милый Арамис!

— Но войну за короля!

— Но король будет во главе той армии, где будет Мазарини.

— А сердцем он будет в армии, которой будет командовать Бофор.

— Бофор! Он же в Венсенском замке.

— Разве я сказал Бофор? Ну, не Бофор, так кто-нибудь другой, хотя бы принц.

— Но принц уезжает в действующую армию, и он всецело предан кардиналу.

— Гм, гм...— задумался Арамис.— У них сейчас как раз какие-то проблемы. Но даже если и не принц, то хотя бы Гонди.

— Гонди не сегодня-завтра будет кардиналом; для него сейчас выхлопатывают кардинальскую мантию.

— Разве история не знавала воинственных кардиналов? — сказал Арамис.— Поглядите на стены: вокруг вас четыре кардинала, которые во главе армии были не хуже Гебриана или Гассиона.

— Хорош будет горбатый полководец!

— Сей изьян — горб — укроют латы. К тому же, вспомните, Александр хроمال, а Ганнибал был одноглазым.

— И вы полагаете, что эта партия доставит вам большие выгоды? — спросил д'Артаньян.

— Она мне обеспечит покровительство сильных мира сего.

— И казнь без суда, по повелению правительства?

— Парламент и мятежи этого не допустят.

— Все, что вы говорите, могло бы произойти, если бы удалось разлучить короля с его матерью.

— Этого, может быть, и добьются.

— Никогда! — вскричал д'Артаньян с убеждением. — Вы сами тому свидетель, Арамис, вы, который знает Анну Австрийскую так же хорошо, как и я. Разве она когда-нибудь способна забыть, что сын — ее опора, ее защита, залог ее благополучия, ее счастья, всей ее жизни? Ей следовало бы перейти вместе с ним на сторону принцев и бросить Мазарини; но вы знаете лучше, чем кто-либо другой, что у нее имеются серьезные основания не покидать его.

— Может быть, вы и правы, — задумчиво проговорил Арамис. — Я, пожалуй, к ним не примкну...

— К ним! А ко мне?

— Повторяю — ни к кому. Я священник; какое мне дело до политики? У меня даже требника в руках не бывало. Довольно с меня моей клиентуры: продувных остроумцев-аббатов и хорошеньких женщин. Чем больше путаницы в государственных делах, тем меньше шума из-за моих шалостей; все идет чудесно и без моего вмешательства. Решительно, дорогой друг, я ни во что не стану вмешиваться.

— И в самом деле, мой дорогой, — сказал д'Артаньян, — меня начинает заражать ваша философия. Право, не понимаю, какая муха вдруг меня укусила! У меня есть служба, которая меня кое-как кормит. После смерти де Тревиля, который уже начал стареть, я могу стать капитаном. Это совсем неплохой маршальский жезл для гасконского дворянина, младшего в роде, и я чувствую, что начинаю более дорожить скромным, но верным куском хлеба, чем сомнительными приключениями. Приму-ка я приглашение Портоса, поеду поохочусь в его поместье. Вы знаете, ведь у Портоса есть поместье.

— Как же! Конечно, знаю. Десятки километров лесов, болот и лугов;

владыка гор и долин, он может поспорить с нуайонским епископом своими феодальными правами.

«Отлично,— подумал д'Артаньян,— это-то мне и надо было узнать. Значит, Портос в Пикардии».

— И он носит теперь свою прежнюю фамилию дю Валлон? — спросил он вслух.

— Да, и прибавил еще к ней де Брасье — так называется земля, которая некогда давала права на баронский титул.

— Так что мы увидим Портоса бароном?

— Без сомнения. Особенно хороша будет баронесса Портос!

И оба приятеля расхохотались.

— Итак,— снова заговорил д'Артаньян,— вы не желаете стать сторонником Мазарини?

— А вы сторонником принцев?

— Нет. Ну так не будем ничьими сторонниками и останемся друзьями; не станем ни кардиналистами, ни фрондерами.

— Да,— сказал Арамис,— будем мушкетерами.

— Хотя бы в сутане.

— Особенно в сутане,— воскликнул Арамис,— в том-то и прелесть.

— Ну, так прощайте,— сказал, вставая, д'Артаньян.

— Я вас не удерживаю, дорогой мой,— произнес Арамис,— потому что мне негде было бы вас положить. А приличие запрещает мне предложить вам разделить с Планше сарай.

— Да я всего в трех километрах от Парижа; лошади отдохнули, и не пройдет и часа, как я буду дома.

Д'Артаньян налил себе последний стакан.

— За наше доброе старое время!

— Да,— подхватил Арамис,— к сожалению, оно прошло... *fugit irreparabile tempus...* [6]

— Ба! Оно, быть может, еще вернется. На всякий случай, если я вам понадобится, вот мой адрес: Тиктонская улица, гостиница «Козочка».

— А мой здесь, в иезуитском монастыре. С шести утра до восьми вечера — через дверь, с восьми вечера до шести утра — в окно.

— До свидания, мой дорогой.

— О, я вас так не отпущу, позвольте мне проводить вас.

И Арамис взялся за плащ и шпагу.

«Он хочет убедиться, что я уехал»,— подумал д'Артаньян.

Арамис свистнул, но Базен и ухом не повел. Он клевал носом в передней над остатками ужина, и Арамис вынужден был дернуть его за ухо, чтобы разбудить.

Базен встрепенулся, протер глаза и попытался опять уснуть.

— Ну-ка, соня, скорей лестницу.

— Да она,— сказал Базен, зевая до ушей,— осталась висеть в окне, лестница-то.

— Другую давай, садовую. Господин д'Артаньян с трудом поднимался, а спускаться ему будет еще труднее.

Наш герой хотел было уверить Арамиса, что он отлично спустится, но в этот момент ему пришла в голову одна мысль, и он промолчал.

Базен глубоко вздохнул и ушел за лестницей. Через минуту надежная деревянная лестница была приставлена к окну.

— Вот это лестница,— сказал д'Артаньян,— по такой и женщина поднимется.

Внимательный взгляд Арамиса, казалось, хотел прочесть его мысли в самой глубине сердца, но д'Артаньян выдержал этот взгляд с замечательным простодушием.

К тому же в эту самую минуту он уже поставил ногу на первую ступеньку и начал спускаться.

В одну секунду они оказались на земле. Базен остался у окна.

— Жди тут,— сказал Арамис,— я сейчас вернусь.

Оба направились к сараю; навстречу им уже вышел Планше, держа под уздцы лошадей.

— Отлично. Какой толковый и расторопный слуга! Не то что мой лентяй Базен, который ни к черту не годится, с тех пор как служит в церкви. Ступайте за нами, Планше,— сказал Арамис,— мы пройдемся пешком до конца деревни.

За разговором друзья прошли всю деревню, толкуя о разных пустяках; у последнего дома Арамис сказал:

— Ну, друг мой, продолжайте свои дела. Счастье вам улыбается, так не упускайте его; помните, счастье — это куртизанка; обращайтесь с ним, как оно того требует. Ну а я останусь в своем ничтожестве и при своей лени. Прощайте.

— Так что, значит, решено и подписано? Мое предложение вам не подходит?

— Оно бы мне очень подошло,— сказал Арамис,— будь я такой же

человек, как другие, но, повторяю вам, я весь сплошное противоречие: то, что люто ненавижу сегодня, всем сердцем люблю завтра, и наоборот. Вы видите, я не могу принять на себя обязательства, как вы, например, который придерживается вполне определенных взглядов.

«Врешь, хитрец,— сказал себе д'Артаньян,— наоборот, ты-то как раз умеешь выбрать цель и пробираться к ней тайно».

— Так до свидания, дорогой, и спасибо вам за добрые намерения, а в особенности за приятные воспоминания, которые наше общение пробудило во мне.

Они обнялись. Планше уже сидел верхом. Д'Артаньян также вскочил на лошадь, и они еще раз пожали друг другу руки. Всадники прищипорили лошадей и поскакали по дороге в Париж.

Арамис оставался стоять посреди дороги до тех пор, пока не потерял их из виду.

Но д'Артаньян, отъехав шагов двести, круто осадил лошадь, соскочил наземь, бросил поводья Планше и, вынув из кобуры пистолеты, засунул их себе за пояс.

— Что случилось? — спросил испуганный Планше.

— А то,— ответил д'Артаньян,— что, как он ни хитри, а меня не одурачит. Стой здесь и жди, только в стороне от дороги.

С этими словами д'Артаньян перескочил канаву, окаймлявшую дорогу, и пустился через поле, минуя деревню. Между домом, где жила госпожа де Лонгвиль, и иезуитским монастырем он приметил пустырь, огороженный только изгородью.

Может быть, час назад ему и нелегко было бы отыскать эту изгородь, но теперь поднялась луна, и хотя она время от времени скрывалась за облаками, все же можно было довольно ясно видеть дорогу, даже когда луна исчезала.

Д'Артаньян добрался до изгороди и двинулся крадучись в ее тени. Проходя мимо дома, где произошла описанная нами сцена, он заметил, что окно Арамиса опять освещено; но он был уверен, что Арамис еще не вернулся к себе, а когда вернется, то не один.

Действительно, он скоро услышал приближавшиеся шаги и как будто приглушенные голоса.

Шаги затихли у изгороди.

Наш герой опустился на колени, прячась в самом густом месте у изгороди.

В эту минуту, к великому удивлению д'Артаньяна, появилось двое мужчин. Но он тотчас перестал удивляться, ибо услышал нежный, приятный голос. Одним из мужчин была женщина, переодетая в военное платье!

— Успокойтесь, милый Рене,— говорил нежный голос,— это никогда больше не повторится. Я обнаружила нечто вроде подземного хода под улицей: нам стоит только поднять одну плиту возле двери — и выход открыт.

— О, верьте мне, принцесса,— ответил другой голос, в котором д'Артаньян узнал голос Арамиса,— если бы ваша репутация не требовала этих предосторожностей и если бы я рисковал только собственной жизнью...

— Да, мне известно, что вы человек не только смелый, но также и светский, но вы принадлежите не только мне, вы принадлежите всей нашей партии. Будьте же осторожны и благоразумны.

— Я не могу не повиноваться, сударыня,— сказал Арамис,— когда мне приказывают таким голосом.— Он нежно поцеловал ее руку.

— Ах! — воскликнул его собеседник, обладавший нежным голосом.

— Что такое? — спросил Арамис.

— Разве вы не видите, ветер унес мою шляпу!

Арамис бросился за ней, а д'Артаньян воспользовался моментом и перешел на другое место, где изгородь была не так густа и где он мог получше разглядеть таинственного спутника Арамиса. В эту минуту луна (быть может, такая же любопытная, как наш офицер) вышла из-за туч, и при ее нескромном свете д'Артаньян узнал большие голубые глаза, золотые волосы и гордую головку герцогини де Лонгвиль.

Арамис, смеясь, вернулся с одной шляпой в руках, а другой на голове, и оба они направились к иезуитскому монастырю.

— Отлично,— пробормотал, вставая и стряхивая пыль с колен, д'Артаньян.— Вот ты мне и попался: ты фрондер и любовник госпожи де Лонгвиль.

ХII

ПОРТОС ДЮ ВАЛЛОН ДЕ БРАСЬЕ ДЕ ПЬЕРФОН

Благодаря сведениям, полученным от Арамиса, д'Артаньян, зная уже, что истинная фамилия Портоса была дю Валлон, ведал теперь, что по названию поместья, которым он владел, он именуется еще де Брасье, и что из-за этого поместья он вел процесс с нуайонским епископом.

Значит, искать его надо было в окрестностях Нуайона, иначе говоря, на границе Иль-де-Франса и Пикардии.

Свой маршрут д'Артаньян продумал за считанные минуты. Он отправится в Данмартен, где сходятся две дороги: одна ведет в Суассон, другая — в Компьень; тут он наведет справки об имении де Брасье и, в зависимости от сведений, поедет прямо или свернет влево.

Планше, который еще не совсем успокоился после своих проделок, заявил, что последует за д'Артаньяном хоть на край света, все равно какой дорогой. Он упросил только своего хозяина выехать вечером, поскольку темнота обеспечивала ему большую безопасность. Д'Артаньян посоветовал ему предупредить жену, чтобы та не беспокоилась, по крайней мере, относительно своей участи; но Планше же, проявив завидную предусмотрительность, ответил, что он уверен в том, что жена его не умрет от беспокойства, если не будет знать о его местонахождении, тогда как он, Планше, напротив, зная невоздержанность ее языка, непременно умрет от беспокойства, если только она будет знать, где он находится.

Такие доводы показались д'Артаньяну настолько вескими, что он больше не настаивал, и в восьмом часу вечера, когда туман начал сгущаться на улицах, вышел из гостиницы «Козочка» и в сопровождении Планше выехал из столицы через заставу Сен-Дени.

В полночь оба путешественника были в Данмартене.

Было уже слишком поздно, чтобы наводить справки. Хозяин «Крестового лебедя» уже спал. И д'Артаньян отложил расспросы до утра.

Наутро он велел позвать трактирщика. Это был один из тех хитрых нормандцев, которые не говорят ни да ни нет и всегда боятся скомпрометировать себя прямым ответом на заданный вопрос. Как бы то ни было, а д'Артаньян, уяснивший, что нужно ехать прямо, выехал,

согласуясь с довольно туманными советами. В девять утра он прибыл в Нантейль и остановился там, чтобы позавтракать.

На этот раз трактирщиком был честный и славный пикардиец. Признав в Планше земляка, он без всяких затруднений дал ему нужные разъяснения. Поместье Брасье находилось в нескольких километрах от Вилье-Котре.

Наш офицер знал Вилье-Котре, ибо два-три раза сопровождал туда двор. Вилье-Котре был в ту эпоху одной из королевских резиденций. Он направился в этот город и остановился там в знакомой гостинице, а именно в «Золотом дельфине».

На месте он получил исчерпывающие сведения. Он узнал, что поместье Брасье расположено в четырех километрах от города, но что Портоса нужно искать вовсе не там.

Тот действительно вел тяжбу с нуайонским епископом за поместье Пьерфон, граничившее с его землями, и, утомленный судебной волокитой, в которой он ровным счетом ничего не смыслил, чтобы покончить с ней, просто купил Пьерфон и таким путем к своим двум прежним фамилиям прибавил еще третью. Он именовался теперь дю Валлон де Брасье де Пьерфон и жил в своем новом имении.

За неимением другой славы Портос, очевидно, метил в маркизы Карабасы.

Приходилось опять ждать до завтра. Лошади, сделав за день десять километров, очень устали. Правда, можно было взять других, но предстояло ехать лесом, а Планше, как мы помним, не очень любил ночные прогулки через лес.

Имелась и другая вещь, которую не жаловал Планше, а именно: пускаться в путь натошак. Поэтому, проснувшись поутру, д'Артаньян нашел на столе готовый завтрак. Трудно было сердиться на такую заботу, и мушкетер сел за стол. Нечего говорить, что Планше, вспомнив свои былые обязанности, усвоил опять и прежнее смирение; поэтому, доедая остатки со стола д'Артаньяна, он стыдился не больше, чем госпожа де Моттвиль или госпожа де Фаржи, доедавшие блюда со стола Анны Австрийской.

Пуститься в путь удалось не ранее восьми часов утра. Ошибиться было невозможно: следовало ехать по дороге, ведущей из Вилье-Котре в Компьень, и, миновав лес, свернуть направо.

Стояло прекрасное весеннее утро; птицы пели на высоких деревьях,

и широкие солнечные лучи на лесных прогалинах казались занавесями из золотистого газа.

Местами свет с трудом пробивался сквозь плотный свод листвы, и стволы старых дубов, на которые карабкались, едва завидев путешественников, проворные белки, тонули во мраке. Вся природа в это раннее утро, казалось, дышала ароматами травы, цветов и листвы. Д'Артаньян, которому надоел смрад Парижа, размышлял о том, что, нося имена трех поместий, нанизанные одно на другое, можно быть вполне счастливым в подобном раю. И он подумал, встряхнув головой: «Будь я на месте Портоса и сделай мне д'Артаньян предложение, которое я собираюсь ему сделать, я знаю, что бы я ему ответил».

А Планше ни о чем не думал, он просто переваривал свой завтрак.

На опушке леса д'Артаньян увидел указанную ему дорогу, а в конце дороги — башни огромного феодального замка.

— Ничего себе,— проворчал он,— мне казалось, что этот замок принадлежит старшей ветви рода герцогов Орлеанских. Уж не вошел ли Портос в сделку с герцогом де Лонгвилем?

— Ай да поместье, сударь! Хороший хозяин! — сказал Планше.— И если оно принадлежит господину Портосу, то его можно поздравить!

— Не вздумай только, черт побери, назвать его Портосом,— сказал д'Артаньян,— или даже дю Валлоном. Называй его де Брасье или де Пьерфоном. Не то пропало мое посольство.

Приближаясь к замку, который сперва привлек их внимание, д'Артаньян стал все более убеждаться, что тут не может жить его друг. Башни, хотя и прочно, совсем недавно выстроенные, были пробиты и словно разворочены — точно какой-то великан изрубил их гигантским топором.

Добравшись до конца дороги, д'Артаньян увидел у своих ног великолепную долину, в глубине которой дремало небольшое прелестное озеро, окруженное разбросанными здесь и там домами с соломенными и черепичными крышами; казалось, они с почтением признают своим истинным господином красивый замок, построенный в начале царствования Генриха IV и украшенный флюгерами с гербом владельца.

На этот раз д'Артаньян уже не усомнился, что находится перед жилищем Портоса.

Дорога вела прямо к красивому замку, который рядом со своим

предком на горе напоминал современного щеголя рядом с закованным в железо рыцарем Карла VII. Д'Артаньян пустил скакуна рысью. Планше поторапливал свою лошадь, стараясь не отстать от хозяина.

Через десять минут офицер и слуга въехали в аллею, обсаженную высокими тополями и упиравшуюся в железную решетку с позолоченными остриями и перекладинами. Посреди этой аллеи можно было разглядеть на толстом низком жеребце какого-то господина, всего в зеленом и раззолоченного, как решетка. Направо и налево от него стояли два лакея в ливреях с позументами; поодаль почтительно держалась порядочная толпа крестьян.

— Уж не владетельный ли это господин дю Валлон де Брасье де Пьерфон? — сказал д'Артаньян. — Бог мой, как он сморщился с тех пор, как перестал называться Портосом.

— Это не может быть он, — сказал Планше, отвечая на вопрос д'Артаньяна. — В господине Портосе метр восемьдесят пять росту, а в этом и полтора метра не наберется.

— Однако этому господину очень низко кланяются.

Произнеся это, д'Артаньян двинулся по направлению к жеребцу, к важной особе и к лакеям. Чем ближе он подъезжал, тем больше ему казалось, что он узнает лицо этого господина.

— Господи Иисусе! — воскликнул Планше, который тоже как будто признал его. — Сударь, неужели это он?

При этом восклицании человек на коне медленно и весьма величаво обернулся, и путешественники увидели во всем блеске круглые глаза, румяную рожу и красноречивую улыбку Мушкетона.

И верно, это был Мушкетон, жирный, пышущий здоровьем и довольством. Узнав д'Артаньяна, он, не то что двуличный Базен, поспешно слез со своего жеребца и, сняв шляпу, двинулся навстречу офицеру.

— Господин д'Артаньян! Господин д'Артаньян! — Толстые щеки Мушкетона раздувались от радости. — Господин д'Артаньян! Ах, какая радость для моего господина и хозяина дю Валлона де Брасье де Пьерфона!

— Милейший Мушкетон! Так твой господин здесь?

— Вы в его владениях.

— Но какой же ты нарядный, упитанный, цветущий! — продолжал д'Артаньян, без усталости перечисляя перемены, происшедшие под

влиянием сытой жизни в некогда полуголодном парне.

— Да, да, все слава богу, сударь,— отвечал Мушкетон,— я чувствую себя недурно.

— Что же ты ничего не скажешь своему другу Планше?

— Планше, друг мой Планше, ты ли это? — вскричал Мушкетон, с распростертыми объятиями и со слезами на глазах бросаясь к Планше.

— Он самый,— ответил осторожный, по обыкновению, Планше,— хочу вот прежде убедиться, не заважничал ли ты.

— Важничать перед старым другом! Нет, Планше, этому не бывать! Как ты мог такое подумать, разве ты не знаешь Мушкетона?

— Слава богу! — сказал Планше, соскочив с лошади и, в свою очередь, обнимая Мушкетона.— Ты не то, что этот каналья Базен, продержавший меня два часа в сарае и даже не подавший виду, что знаком со мной.

И Планше с Мушкетонам расцеловались с чувством, весьма растрогавшим присутствующих, которые решили, ввиду высокого положения Мушкетона, что Планше тоже какой-нибудь переодетый вельможа.

— А теперь, сударь,— сказал Мушкетон, освободившись из объятий Планше, безуспешно пытавшегося сомкнуть руки на спине своего друга, — а теперь, сударь, позвольте мне вас покинуть, ибо я не хочу, чтобы мой барин узнал о вашем приезде от кого-либо, кроме меня; он не простит мне этой оплошности.

— Старый друг! — произнес д'Артаньян, не называя Портоса ни старым, ни новым именем.— Так он еще не забыл меня?

— Чтобы хозяин и забыл?! — воскликнул Мушкетон.— Мы каждый день ожидали известия о вашем назначении маршалом — либо вместо господина де Гассиона, либо вместо господина де Басомпьера.

На губах д'Артаньяна промелькнула одна из тех редких грустных улыбок, которые он сохранил в самой глубине своего сердца и которые пережили все разочарования его молодых лет.

— А вы, мужичье,— продолжал Мушкетон,— оставайтесь при его сиятельстве графе д'Артаньяне и выполняйте все его пожелания, пока я схожу доложить монсеньору о его приезде.

И, взобравшись при помощи двух сердобольных душ на своего такого же дородного, как и он сам, коня, тогда как более расторопный Планше вскочил без чужой помощи на своего, Мушкетон поскакал по

аллее мелким галопом, свидетельствовавшим более о прочности спины, чем о быстроте ног его скакуна.

— Вот хорошее предзнаменование! — сказал д'Артаньян.— Здесь нет ни тайн, ни притворства, ни политики; здесь смеются во все горло, плачут от радости, у всех щеки со спины видны. Право, мне кажется, что сама природа справляет здесь праздник, а деревья вместо листьев и цветов украшены зелеными и розовыми ленточками.

— А мне кажется,— сказал Планше,— что я отсюда чую восхитительный запах жаркого и вижу почетный караул поварят, выстроившихся для нашего приема. Ах, сударь, какой же повар должен быть у господина Пьерфона — он ведь любил хорошо покушать еще тогда, когда именовался Портосом.

— Стой,— сказал д'Артаньян,— ты меня пугаешь! Если все так и есть на самом деле и действительность соответствует внешним признакам, то я пропал. Такой счастливый человек никогда не оставит своего счастья, и меня ждет неудача, как и у Арамиса.